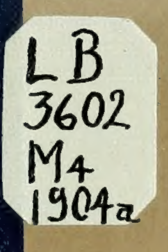

3 1761 07330440 4

LB
3602
M4
1904a

С. Мельгуновъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

СТУДЕНЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

1904.

Цѣна 50 коп.

Мельгунов, Сергей Петрович

С. Мельгуновъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

СТУДЕНЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Изданіе журнала „ПРАВДА“.

Поставщ. Двора Его Величества Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ
Москва, Тверская, Мамоновскій пер., д.

1904.

Дозволено цензурою. Москва, 17 мая 1904 года.

ИЗЪ ИСТОРІИ

студенческихъ обществъ

ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ *).

Желаніе выработать цѣльное міросозерцаніе, связать теоретическія знанія съ практическими выводами въ единую систему,—совершенно естественно и почтенно. Такое желаніе въ послѣднее время замѣтно пробуждается среди учащейся молодежи въ Россіи. Конечно, отъ желанія до его осуществленія далеко, и идеалъ далеко не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Помочь разобраться въ этихъ исканіяхъ и найти подходящія средства для осуществленія поставленной цѣли можетъ историческій взглядъ на вопросъ, составляющій главную задачу настоящей статьи.

*) ИСТОЧНИКИ:

[1]) *Д. Толстой.* „Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи.“ [2]) *Иванниковъ.* „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“. *Вѣстникъ Европы* 1876 г., кн. IX, X, XI. [3]) *Милюковъ.* „Очерки по исторіи русской культуры“. Часть II и III, вып. 2. [4]) *Его же* статья „Университеты въ Россіи“. Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 68. [5]) *В. Якушкинъ.* „Изъ исторіи русскихъ университетовъ въ XIX вѣкѣ“. *Вѣстникъ Воспитанія* 1901 г., кн. 7. [6]) *Рождественскій.* „Историческій обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщенія 1802–1902 г.“ [7]) *Ключевскій.* „Литографированный курсъ лекцій, т. III. [8]) *Сухомлиновъ.* „Статьи и изслѣдованія“, т. I. [9]) *Рудаковъ.* „Студенческія Общества“. *Историческ. Вѣстникъ* 1899 г., кн. 12. [10]) *Пыпинъ.* „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. *Пыпинъ.* „В. Г. Бѣлинскій“, т. I. [11]) *Буличъ.* „Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка“. [12]) *Шевыревъ.* „Исторія Московскаго университета“. [13]) *Біографическій словарь* профессоровъ Московскаго университета. [14]) *Сушковъ.* „Моск. универ. Бл. Пан. и воспит. Московск. университета“. [15]) *Н. Л. Тажковскій.* „Воспоминанія о Московскомъ университетѣ. Память Шувалова“. *Москвитянинъ* 1854 г., №№ 9–10. [16]) Воспоминанія о Сахаровѣ. [17]) *Неустроевъ.* „Историческія розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ 1703–1802.“ [18]) *Кропотовъ.* „Жизнь графа М. Н. Муравьева“. [19]) *Я. Гротъ.* „Старина Царскосельскаго лицея“. [20]) *Григорьевъ.* „С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ“. [21]) *Багалѣй.* „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“. [22]) *Владимірскій-Будановъ.* „Исторія университета св. Владиміра“. [23]) *Буличъ.* „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“. [24]) *Шпилевскій.* „Заботы Александра I о Казанскомъ университетѣ“. [25]) *Залѣсскій.* „Къ столѣтію Имп. Каз. унив.“ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1903 г.

Когда впервые при Академіи Наукъ въ 1726 г. былъ открытъ „университетъ“, условія для его существованія были крайне неблагопріятны: общественное самосознаніе стояло еще на слишкомъ низкомъ уровнѣ, и въ обществѣ еще не созрѣла потребность въ образованіи — наука нуждалась въ искусственномъ покровительствѣ. Въ первые годы вновь открытый университетъ существовалъ скорѣе только на бумагѣ. Къ его открытію изъ-за границы съѣхалось 17 профессоровъ, но студентовъ, чтобы слушать лекціи, не оказалось—ихъ пришлось, въ количествѣ восьми человѣкъ также по „контракту“, выписать вмѣстѣ съ профессорами. Вскорѣ однако лучшіе члены Академіи разбѣжались—слишкомъ тяжело было иностранцамъ находиться подъ гнетомъ русскаго бюрократизма, встрѣчая при этомъ національный антагонизмъ отъ своихъ русскихъ собратьевъ и по цѣлымъ годамъ не получая жалованья (*Икон.* IX, стр. 167): они должны были искать работы на сторонѣ или быть на побѣгушкахъ у знатныхъ вельможъ, исполняя ихъ „порученія“. Естественно, что при такихъ условіяхъ „университетъ“, какъ и сама Академія наукъ, влачилъ самое жалкое существованіе, не имѣя почти никакого образовательнаго вліянія. Лекціи въ „академическомъ университетѣ“ читались не систематично и далеко не всегда—бывало и такъ, что некому даже было слушать лекцій, напримѣръ, въ 1732 г. въ „университетѣ“ состояло всего нѣсколько студентовъ—иностранцевъ, да и тѣ „за неимѣніемъ книгъ и съ учеными людьми об-

№№ 10. 11. *Аксаковъ.* „Семейная хроника и воспоминанія“, т. II. [26]) *Пътуховъ.* „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ за первыя сто лѣтъ существованія 1802—1902 гг.“ [27]) *К. Головщиковъ.* П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища высшихъ наукъ.“ [28]) *Щегловъ.* „Высшее учебное заведеніе въ Ярославлѣ“. [29]) Изъ записокъ *В. И. Сербскаго.* „Первая и послѣдняя моя встрѣча съ А. С. Шишковымъ“. *Рус. Ар.* 1871. [30]) *И. Б—въ.* „Университетъ и корпораціи“. Отрывокъ изъ воспоминаній. *Историч. Въстникъ* 1880 г., № 4. [31]) „Студенческія корпораціи въ С.-Петерб. университетѣ 1830—40 гг. Изъ воспоминаній бывш. студента“. *Рус. Стар.* 1881 г., № 2. [32]) „Петербург. университетъ полвѣка назадъ“. Воспоминанія бывшаго студента А. Ч. *Русскій Архивъ*, 1888 г., № 9. [33]) *Е. Децъ.* „Воспоминанія Дерптскаго студента“. *Міръ Божій* 1902 г., № 3. [34]) *Историческое Обозръніе.* Сборникъ Истор. Общ. при С.-Петерб. университ. подъ редакціей Н. И. Карѣева, т. IV. Кромѣ того, авторъ пользовался своими статьями, напечатанными въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*: „Столѣтіе Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) универс. 1902 г., №№ 243,246“. „Изъ исторіи журналистики“ 1903 г., № 102. Столѣтіе Демидовскаго лицея“. 1903 г., № 239. Нѣкоторые источники будутъ указаны еще въ текстѣ.

хожденія“ уѣхали восвояси. Съ тѣхъ поръ лекціи совсѣмъ прекратились.

Черезъ шесть лѣтъ была сдѣлана попытка организовать правильное преподаваніе, но и то лекціи возобновились далеко не по всѣмъ предметамъ. Съ цѣлью развить дѣятельность академическаго университета, по новому уставу 1747 г. были учреждены казенныя стипендіи для набора студентовъ изъ шляхетскаго корпуса и духовныхъ заведеній, „дабы — какъ говорилось въ уставѣ — профессора никогда не были праздны и тѣмъ не отговаривались, что у нихъ нѣтъ учениковъ“. Насколько успѣшна была дѣятельность академическаго университета, видно уже изъ того, что только въ 1753 г., т. е. почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ его открытія, состоялся первый выпускъ — изъ двадцати воспитанниковъ окончили курсъ лишь девять, — а черезъ четыре года оффиціально заявляется, что „отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ Университетѣ лекціи не читалъ“. Вступившій въ 1758 г. въ завѣдываніе Академіей Ломоносовъ находилъ, что «при Академіи наукъ не токмо настоящаго Университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно» (*Нолов.* Энцик. Сл., стр. 788).

Профессора, по свидѣтельству Ломоносова, перестали посѣщать ученыя собранія: Академія наукъ потеряла „ученую цѣль“ и стала заниматься переводами сказокъ для охотниковъ посмѣяться и т. д. Составу преподавателей соотвѣтствовалъ и контингентъ учениковъ. Большинство получающихъ высшее образованіе не соотвѣтствовало своему назначенію „ни по понятіямъ, ни по поведенію“, такъ какъ оно набиралось главнымъ образомъ для „пополненія штата“, преимущественно „изъ самой подлости“, какъ образно выражались современники. И вотъ эти ученики, взятые „изъ подлости“, не только не имѣли необходимой книги, но даже не имѣли одежды, ни пищи, ходили босикомъ (*Икон.* Ibid., стр. 195 — 200) и нерѣдко путемъ только милостыни находили себѣ средства для пропитанія: немудрено, что при такихъ условіяхъ они такъ мало интересовались наукой, что въ 1765 г. изъ 18 студентовъ, бывшихъ въ то время въ „университетѣ“, половина „вышла въ отставку, объявя, что, не имѣя складности болѣе обучаться наукамъ, просять, чтобы ихъ изъ Университета выключить и распредѣлить по долж-

ностямъ". Вскорѣ въ „университетѣ" осталось только два студента, незнакомыхъ притомъ съ иностранными языками, на которыхъ читались лекціи, преимущественно на латинскомъ. На слѣдующій годъ послѣдовало закрытіе академическаго университета.

Въ это время начиналъ свою жизнь старѣйшій русскій университетъ—Московскій, открытый „для ученія высшимъ наукамъ желающимъ дворянамъ и для генеральнаго обученія разночинцевъ". Условія академической жизни въ первые годы не улучшились, каѳедры пустовали, напримѣръ, на юридическомъ факультетѣ читалъ одинъ профессоръ Дильтей, правда, ученикъ инсбрукскаго, страсбургскаго и вѣнскаго университетовъ, но, очевидно съ горя, предававшійся „безграничному пьянству", а медицинскій факультетъ олицетворялъ собою проф. Кирстенсъ (анатомія на *медицинскомъ* факультетѣ читалась лишь въ теоріи); профессора и учителя по мѣсяцамъ не получали жалованья, а ученики попрежнему терпѣли нужду въ пищѣ и одеждѣ (*Шев.*, стр. 64—68), а „голодное брюхо ко всякому ученію глухо", какъ говоритъ русская пословица. Такимъ образомъ преподаваніе шло не лучше, чѣмъ въ академическомъ университетѣ—лекціи читались въ теченіе 30—40 дней въ году; число студентовъ было столь незначительно, что иногда цѣлый факультетъ состоялъ изъ одного слушателя. Въ наукахъ эти ученики были не особенно свѣдущи: „учителя пьяницы, а ученики самые подлые поступки имѣютъ" — такъ отзывается о тогдашнемъ положеніи университета одинъ изъ современниковъ. Вотъ, между прочимъ, какъ характеризуетъ въ то время Московскій университетъ Фонвизинъ: учитель латинскаго языка—примѣръ „злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ", „ариѳметическій" учитель пилъ „смертную чашу" и т. д.

Университетъ не получилъ, какъ о томъ мечталъ Ломоносовъ, „вольностей лейденскаго и другихъ иностранныхъ университетовъ", но положеніе его въ царствованіе Екатерины II все же значительно измѣнилось. Являясь сама проповѣдницей въ Россіи просвѣтительныхъ идей эпохи энциклопедистовъ, горячей поклонницей, по крайней мѣрѣ въ своихъ сочиненіяхъ, Вольтера, Монтескье, Дидро, — Екатерина, понимая важное значеніе науки и необходимость просвѣщенія для государственной жизни, благопріятствовала развитію университетовъ.

Университетская жизнь съ наступленіемъ болѣе широкаго вліянія западно-европейской науки стала быстро развиваться. Прежде всего университетскіе кадры наполняются молодыми людьми, прослушавшими курсъ въ заграничныхъ университетахъ и серьезно относящимися къ наукѣ; возникаютъ ученыя общества, которыя ставятъ своею задачею развитіе русской науки, университетъ становится не только образовательнымъ и воспитательнымъ учрежденіемъ — разсадникомъ просвѣщенія, но и умственнымъ центромъ русской жизни; около него развивается главнымъ образомъ литературная дѣятельность, которая въ первую половину царствованія Екатерины приняла такіе широкіе размѣры. Въ этой просвѣтительной работѣ русскихъ университетовъ ближайшее участіе принимали и студенты, изъ которыхъ вербуются литературныя силы для журналовъ и которые нерѣдко сами являются ихъ издателями. Еще въ бытность академическаго университета правительство стремилось привлечь молодежь высшихъ учебныхъ заведеній къ участію въ просвѣтительной дѣятельности: рекомендуя, напримѣръ, указомъ 1748 года Академіи „переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ“ (*Мил.* Оч. III, с. 228), оно приглашало молодежь заняться переводами, поощряя желающихъ выдачей въ видѣ гонорара 100 экземпляровъ перевода: въ первомъ русскомъ журналѣ, издававшемся Миллеромъ при Академіи, „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“ (1755—64 гг.), немногочисленные слушатели, собиравшіеся въ академическомъ университетѣ, даже *обязаны* были сотрудничать, получая за это жалованье 100—150 р. въ годъ. Попытки правительства привлечь молодежь къ культурной работѣ до извѣстной степени увѣнчались успѣхомъ, вызвавъ „къ дѣятельности цѣлый кружокъ добровольныхъ сотрудниковъ“ изъ воспитанниковъ шляхетскаго корпуса (Сумароковъ, Херасковъ), основавшихъ своего рода „общество любителей россійской словесности“ и печатавшихъ свои литературныя произведенія въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ (*Мил.* Ib. с. 238). Эта молодежь стала вскорѣ издавать свой собственный журналъ „Праздное время, въ пользу употребленное“ (1759—60), а одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей кружка (Херасковъ) перенесъ

свою литературную дѣятельность въ Москву, гдѣ при сотрудничествѣ студентовъ университета сталъ издавать журналъ „Полезное увеселеніе“: сотрудники Хераскова—студенты въ свою очередь выступили вскорѣ, какъ издатели новыхъ журналовъ. Въ 1762 г. проф. Рейхель предпринимаетъ періодическое изданіе, выходившее четыре раза въ годъ, „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и произведенію удовольствія или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ и до мануфактуръ и коммерціи принадлежащихъ вещахъ“,—и въ этомъ изданіи переводами занимались преимущественно студенты. Позже рядъ журналовъ знаменитаго Новикова, бывшаго средоточіемъ литературной дѣятельности университета, составлялся трудами студентовъ.

Въ это же время возникаетъ при университетѣ и первая научная студенческая организація, зародышъ которой лежитъ въ публичныхъ диспутахъ, которые студенты должны были вести, по уставу университета, подъ руководствомъ профессоровъ. Эти „публичные диспуты“ начались съ первыхъ же лѣтъ дѣятельности Московскаго университета—въ 1757 году. Въ концѣ каждаго мѣсяца въ послѣднюю субботу студенты должны были держать между собой приватные диспуты на тезисы, за три дня имъ объявленные, а въ концѣ полугодія диспуты совершались публично. Для образца этихъ публичныхъ диспутовъ мы приведемъ одно характерное положеніе изъ диспута студентовъ по естественному праву въ 1758 г., седьмой тезисъ (всѣхъ было 16) котораго гласилъ: „Совѣсть есть или предыдущая, или послѣдующая, или достовѣрная, или вѣроятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или безчувственная“ (*Біограф. Сл.*, стр. 303). Какъ удавалось студентамъ это доказать,—отвѣтить довольно трудно! Рѣчи студентовъ произносились на латинскомъ языкѣ, а потомъ переводились на русскій, и наиболѣе удачныя работы студентовъ на „публичныхъ диспутахъ“ печатались, наконецъ, въ журналахъ. Уже въ 1761 г. возникла мысль придать болѣе правильную организацію „упражненіямъ студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ и переводовъ, которыми могли бы они снабжать періодическое университетское изданіе“...

Съ этой цѣлью проф. Рейхель, издававшій въ указанное время, какъ мы уже знаемъ, это „періодическое университетское изданіе“, предварительно завелъ у себя „ма-

ленныя собранія въ воскресные дни по утрамъ для чтенія изъ четырехъ подростковъ"... Мысль организовать студентовъ для болѣе успѣшной ихъ научной и просвѣтительной дѣятельности приняла реальную форму только черезъ двадцать лѣтъ: въ 1781 г. проф. Шварцу—сотруднику Новикова, удалось основать „Собраніе университетскихъ питомцевъ для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ" и въ слѣдующемъ году спеціальной „переводческой семинаріи", превратившейся въ своего рода литературный кружокъ. Членами Собранія могли быть магистры, баккалавры словесныхъ наукъ и старшіе студенты, которыхъ „принимали по выбору" (*Шев.* Ib. с. 279). Первымъ предсѣдателемъ Собранія былъ студентъ М. И. Антоновскій. Засѣданія происходили по субботамъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ изъ современниковъ. Засѣданіе открывалось краткою рѣчью или разсужденіемъ очередного оратора изъ членовъ съ вѣдома предсѣдателя. Затѣмъ другіе читали стихи, прозу, изящные переводы, рецензіи. Все читаемое обсуждалось подробно и искренно. Высказывались сужденія о новыхъ книгахъ, мнѣнія о языкѣ и словесности; случались споры, сыпались остроты, но все „благородно и прилично" (*Тихонр.*, стр. 272). Дѣятельность „Собранія" процвѣтала особенно въ первое время, когда при университетѣ было учреждено знаменитое „Дружеское ученое Общество" (тѣмъ же Шварцомъ въ 1787 г.), взявшее подъ свое покровительство молодое „Собраніе": въ это время Новиковъ, какъ мы говорили выше, пригласилъ студентовъ-членовъ „Собранія" принять участіе въ „благородномъ подвигѣ"—сотрудничать въ его журналѣ „Утренній Свѣтъ" и въ смѣнившихъ послѣдній „Вечерняя заря" (1782 г.), и „Покоющемся Трудолюбцѣ" (1784 г.). (*Шев.*, стр. 259). Какъ и „Дружеское ученое Общество", Собраніе университетскихъ питомцевъ приняло подъ вліяніемъ своего идейнаго руководителя Шварца, одного изъ представителей Екатерининскаго масонства, проникнутаго духомъ мистицизма, моралистическій характеръ.

Дѣятельность Собранія университетскихъ питомцевъ вызвала цѣлый рядъ подражаній—такъ, питомцы вольнаго благороднаго пансіона (учрежденнаго при университетѣ въ 1778 г.), издали въ 1787 г. собраніе своихъ сочиненій подъ заглавіемъ „Распускающійся цвѣтокъ" и нѣсколько позднѣе, въ 1789 г., „Полезное упражненіе юношества, состоящее въ разныхъ сочиненіяхъ и переводахъ". Вскорѣ вольный

благородный пансіонъ былъ отдѣленъ совершенно отъ университета, и по примѣру „Собранія" въ 1789 г. возникло при пансіонѣ самостоятельное литературное Общество. „Законъ" собранія воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона такъ опредѣлилъ задачу Общества: цѣль Общества—„исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обработка вкуса". Въ члены Общества (§ 2) принимались только тѣ воспитанники, которые отличались „примѣрнымъ поведеніемъ, тихимъ нравомъ, послушаніемъ и прилежаніемъ къ наукамъ". Члены выбирали себѣ предсѣдателя. Въ каждомъ засѣданіи (§ 5) члены читаютъ по очереди рѣчи на русскомъ языкѣ о нравственныхъ предметахъ, разбираютъ критически собственныя свои сочиненія, судятъ о примѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ историческихъ. Собраніе (§ 6) соблюдаетъ возможную благопристойность въ поступкахъ, разговорахъ, *взорахъ*, въ наружномъ видѣ. Всякое пристрастіе должно быть совершенно изгнано. Члены Общества должны хранить ненарушимое молчаніе о засѣданіяхъ. Общество можетъ печатать свои труды и съ удовольствіемъ и благодарностью принимаетъ работы „стороннихъ" (§ 12). Между прочимъ, оно поставило себѣ цѣлью изученіе „россійскаго практическаго законоискусства", для чего ставило „судопроизводныя драмы", гдѣ фигурировали истцы, отвѣтчики, свидѣтели, прокуроры и т. д. (*Сушк.*, стр. 42). Въ процитированномъ уставѣ Общества, возникшаго при *благородномъ* пансіонѣ, замѣтно проявился характеръ привилегированнаго заведенія въ цѣломъ рядѣ постановленій о благопристойности во взорахъ и т. д., и надо замѣтить, что эта сословная рознь — дѣленіе на привилегированныхъ и разночинцевъ—значительно препятствовала объединенію студенческой среды и вредила развитію университетовъ въ періодъ, когда наступила реакція, враждебно относящаяся къ наукѣ и къ тѣмъ разночинцамъ, которые ей посвящаютъ свои силы. Къ сожалѣнію, это сословное раздѣленіе было еще слишкомъ замѣтно въ XVIII столѣтіи какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ, хотя при открытіи послѣдняго, какъ мы видѣли, сословные интересы не были приняты во вниманіе. Несмотря на то, что въ Общество при благородномъ пансіонѣ принимались лишь болѣе благонравные воспитанники „по наружному виду", дѣятельность его оставила самыя лучшія воспоминанія у современниковъ—здѣсь развивался, между прочимъ,

талантъ „пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“ (Жуковскаго).

По примѣру „Собранія питомцевъ Московскаго университета“ возникаетъ мысль устроить аналогичный кружокъ и въ Петербургѣ въ кругу воспитанниковъ главнаго народнаго училища, пользовавшагося въ сущности правами университета. Кружокъ организовался, и въ 1785 г. ему было разрѣшено издавать періодическій сборникъ „Растущій Виноградъ“ (*Сухомл.*, т. I, с. 123). Кружокъ выпустилъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1785—87 гг.) 24 книжки, въ которыхъ помѣщались мелкія стихотворенія, статьи—оригинальныя и переводныя—историческаго и историко-литературнаго характера.

Таковы небогатыя свѣдѣнія, почерпнутыя нами о дѣятельности существовавшихъ при Екатеринѣ II студенческихъ обществъ.

Но не успѣло еще русское просвѣщеніе и русская молодая наука окрѣпнуть, какъ въ общемъ направленіи русской политической жизни наступила реакція, затормозившая развитіе свободной науки и просвѣтительной дѣятельности университетовъ. Ближайшимъ поводомъ къ этой реакціи были западно-европейскія событія и опасенія передъ революціей. Русская журналистика, откликавшаяся прежде на самыя настоятельныя общественныя нужды и затрагивавшая самыя больныя мѣста существующаго общественнаго строя, къ концу XVIII вѣка теряетъ всякое руководящее значеніе въ общественной жизни и существуетъ только „для забавы охотниковъ посмѣяться“. Причина такой реакціи заключалась, конечно, въ особенностяхъ соціальнаго строя, отличавшагося преобладаніемъ сословности и крѣпостничества, и въ происходящемъ отсюда низкомъ уровнѣ культуры.

Правленіе, непосредственно слѣдовавшее за царствованіемъ Екатерины, было еще болѣе неблагопріятно для развитія науки и самодѣятельности университетской корпораціи. Вступивъ на престолъ съ обширнымъ запасомъ преобразовательныхъ программъ, императоръ Павелъ поставилъ своею цѣлью противодѣйствовать „всему, что дѣлалось прежнимъ правительствомъ“ (*Ключ.*, ст. 207), но какъ ни силенъ былъ у Павла антагонизмъ къ дѣятельности Екатерины, какъ ни старался Павелъ передѣлать по-своему все, что было сдѣлано его матерью, какъ ни мѣнялъ онъ усиленно все Ека-

терининское,—его царствованіе было органически связано съ предшествующей эпохой и являлось лишь развитіемъ и окончательнымъ завершеніемъ послѣднихъ лѣтъ правленія Екатерины.

Съ вступленіемъ на престолъ молодого императора Александра I новыя вѣянія проникли въ общественную жизнь — это было время подъема общественнаго духа и возрожденія русской жизни. Окруженный молодыми сотрудниками, воспитанными въ духѣ гуманныхъ идей просвѣтительной французской философіи З. Европы, искренно, повидимому, убѣжденный въ необходимости существенныхъ коренныхъ реформъ для „преобразованія безобразнаго зданія имперіи“, думавшій только о благѣ отечества и горячо отдававшійся на первыхъ порахъ своему дѣлу, императоръ вступилъ въ жизнь съ широкими преобразовательными предначертаніями и рѣшилъ преобразовать заново государство „въ истинномъ народномъ духѣ“ и согласно господствовавшимъ въ то время либеральнымъ идеямъ. Реформа должна была коснуться всѣхъ сторонъ существующаго соціальнаго и политическаго строя и прежде всего учебнаго дѣла, въ развитіи котораго видѣли залогъ для успѣха проектируемыхъ преобразованій. Учебная часть была впервые сосредоточена въ центральномъ органѣ — министерствѣ народнаго просвѣщенія, для университетовъ была введена германская автономная система (уставъ 1804 г.), которая была слита съ организаціей средняго образованія, что было особенно важно въ виду слабой подготовки, которую получали студенты въ гимназіяхъ.

Въ первые годы царствованія Александра были открыты университеты въ Петербургѣ, Казани, Харьковѣ, Вильнѣ и лицеи въ Одессѣ, Нѣжинѣ и Ярославлѣ. По уставу 1804 г. университетъ разсматривается, „какъ ученое учрежденіе“, основанное на выборномъ началѣ,—ему предоставлена была широкая гражданская и уголовная юрисдикція надъ академической корпораціей, собственная цензура и т. д. Однако и при автономномъ уставѣ университеты на первыхъ порахъ не могли достигнуть процвѣтанія — этому препятствовала масса побочныхъ обстоятельствъ.

Медленно уступала старая учебная администрація новымъ порядкамъ, благодаря чему въ академической жизни университетовъ возникали роковыя противорѣчія, тормозившія успѣхъ. Университеты страдали отъ недостатка

профессоровъ, что не могло благопріятно отзываться на положеніи наукъ: напримѣръ, въ Московскомъ университетѣ „астрономія читалась только въ теоріи", въ Казанскомъ университетѣ столь разнородные предметы, какъ древняя литература и математика, читались однимъ профессоромъ, исторія читалась по книгѣ, изданной для народныхъ училищъ (*Икон.* X, стр. 538) — тогда еще былъ въ ходу учебникъ русской исторіи, составленный въ XVII вѣкѣ, такъ называемый „Синопсисъ", и т. д. Также бѣдны были и образовательныя средства: библіотека старѣйшаго университета Московскаго, напримѣръ, находилась въ такомъ скудномъ состояніи, что „университетъ лишенъ былъ этого единственнаго способа соразмѣрять свои успѣхи съ распространеніемъ наукъ въ Европѣ" (*Икон.* X, стр. 531). Другой причиной низкаго уровня преподаванія была чрезвычайно слабая подготовка, съ которой поступали студенты въ университеты. Большинство преподавателей были иностранцы, которые читали лекціи на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а слушатели почти не владѣли этими языками. Вслѣдствіе этого профессорамъ приходилось тратить почти все время на подготовку слушателей къ занятіямъ, т. е. проходить гимназическій курсъ наукъ въ собственномъ смыслѣ слова, а между тѣмъ большинство студентовъ ограничивалось именно только „пріуготовительнымъ курсомъ", въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходя до „спеціальныхъ" факультетскихъ занятій (*Мил.* „Очер.", т. II, стр. 312). Причина этого лежала въ самомъ составѣ университетскихъ питомцевъ.

Мы уже указывали выше, что, благодаря сословному характеру русскаго общественнаго устройства въ концѣ XVIII вѣка, у насъ организовались сословныя школы, которыя нерѣдко, какъ, напримѣръ, Московскій благородный пансіонъ, соперничали съ университетомъ. Несмотря на то, что при учрежденіи университетовъ совершенно исключалась сословная организація и путь къ просвѣщенію былъ открытъ каждому, „лишь бы желающій былъ человѣкъ, имѣющій неповрежденный умъ", въ университеты шли почти исключительно тѣ, которые разсчитывали получить незавидное мѣсто учителя средней школы — въ этомъ состояла, между прочимъ, одна изъ главныхъ задачъ университета: онъ долженъ былъ служить разсадникомъ преподавателей для средне-учебныхъ заведеній. Сословные предразсудки были еще настолько

сильны, что дворянство предпочитало отдавать своихъ дѣтей въ военныя заведенія или воспитывать ихъ за границей, не желая, чтобы дворянскія дѣти „встрѣчались съ разночинцами и чернью“ (*Икон.* X, стр. 546). Естественно, что при такихъ условіяхъ благородные пансіоны были переполнены, а университетскія лекціи не находили слушателей: чтобы поднять университеты, приходилось прибѣгать къ казеннымъ стипендіямъ, искать желающихъ учиться въ университетахъ, привлекая туда слушателей перспективами различныхъ льготъ, напримѣръ, для „вящшаго побужденія“ окончившимъ въ университетахъ полный приготовительный курсъ выдавать шпаги и т. д. (*Запис.*, стр. 263). Тѣмъ не менѣе численность студентовъ въ университетахъ въ первое десятилѣтіе было чрезвычайно ничтожна — за исключеніемъ Московскаго, всего нѣсколько десятковъ, да и то большинство изъ нихъ проходило лишь „упрощенные курсы“, образованные для чиновниковъ (*Аксак.*, стр. 167). Немудрено, что и современники смотрѣли крайне пессимистично на будущее университетовъ, сомнѣваясь, чтобы существованіе ихъ было бы полезно для Россіи. „Милліоны на университеты убиты только для казны“, говоритъ Карамзинъ въ „Запискѣ о старой и новой Руси“, „у насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ, мы не нуждаемся въ нихъ“. Поддерживать университеты, по мнѣнію Карамзина, значитъ „пускать пыль въ глаза“. Совершенно такого же мнѣнія держится относительно университетовъ и другой современникъ (Кочубей въ письмѣ къ Сперанскому), который пишетъ: „Не университеты намъ нужны, когда некому въ нихъ учиться“...

Соотвѣтственно уровню преподаванія находился и умственный уровень молодежи, которая „смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ“, нисколько не интересуясь самой наукой, что, конечно, являлось непреодолимымъ препятствіемъ для развитія самодѣятельности студенческой среды.

Когда первые же годы практики обнаружили, что ни приглашеніе иностранныхъ профессоровъ, ни выучка въ Россіи своихъ кандидатовъ на профессорскія каѳедры не даютъ возможности солидно обставить университетское преподаваніе, тогда была примѣнена другая мѣра—

посылка русскихъ стипендіатовъ, наиболѣе способныхъ студентовъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію (впервые въ 1808 г.). Эта мѣра, какъ мы увидимъ ниже, сыграла впослѣдствіи огромную роль—дала возможность университетамъ въ періодъ наступившей усиленной реакціи достигнуть значительной высоты. Возникшая такимъ образомъ тѣсная связь съ западно-европейской жизнью способствовала пробужденію русской жизни, глубоко повліяла на умы и ознаменовалась возрожденіемъ какъ русской литературы, такъ и благотворнымъ подъемомъ общественнаго духа. Нарождалось то молодое поколѣніе, которому впослѣдствіи пришлось играть столь видную роль въ общественныхъ движеніяхъ второй половины царствованія императора Александра I.

И вотъ въ то время, когда русское общество снова стало подпадать подъ вліянія з.-европейскихъ идей, мы встрѣчаемся съ любопытнымъ фактомъ: юные студенты Московскаго университета вступаютъ въ борьбу съ господствующей тамъ рутиной и рѣшаются образовать по собственной инициативѣ независимый и свободный университетъ. Это умственное теченіе въ студенческой средѣ проявляется прежде всего въ области математическихъ наукъ подъ вліяніемъ возрожденія послѣднихъ на Западѣ—во Франціи, гдѣ труды великихъ математиковъ Лагранжа, Лапласа, Лакруа и др. кореннымъ образомъ измѣнили систему и характеръ самаго преподаванія математическихъ наукъ. Университетская молодежь не удовлетворяется „старинными программами своихъ старыхъ профессоровъ" и рѣшается создать спеціальный кружокъ для самостоятельныхъ занятій по математикѣ. Такъ возникаетъ въ 1810 г. по инициативѣ четырнадцатилѣтняго студента М. Н. Муравьева при Московскомъ университетѣ „Общество математиковъ" (*Кропот.*. стр. 56). Уставъ Общества получаетъ Высочайшее утвержденіе. Народившееся Общество состояло изъ студентовъ и кандидатовъ университета и ставило своею цѣлью „распространеніе математическихъ знаній посредствомъ сочиненій, переводовъ полезныхъ книгъ и преподаванія". Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ отецъ инициатора дѣла полковникъ Муравьевъ. Такъ какъ математическій факультетъ университета отказалъ новому Обществу въ помѣщеніи, то Муравьевъ-отецъ предоставилъ помѣщеніе для за-

сѣданій Общества въ своей квартирѣ и снабдилъ его необходимыми учебными пособіями. При открытіи Общества предсѣдатель высказался въ томъ смыслѣ, что „прежде чѣмъ приступить къ изданію математическихъ сочиненій, надо позаботиться о подготовкѣ людей, способныхъ пользоваться подобными сочиненіями". Соглашаясь съ этимъ, Общество рѣшило обратить главное вниманіе на устройство публичныхъ лекцій и такимъ образомъ, отвѣчая существующимъ потребностямъ, превратилось изъ „учёнаго" въ „учебное"— въ свободный университетъ, образовавъ спеціальное математическое отдѣленіе. Доступъ къ слушанію лекцій былъ открытъ безплатно всѣмъ желающимъ, но съ обязательствомъ „къ исправному посѣщенію избранныхъ лекцій, къ сохраненію въ классѣ молчанія, уваженія къ лектору и рачительнаго отношенія къ дѣлу" (въ противномъ случаѣ виновнику угрожало исключеніе). Лекторами выступали сами студенты: ст. Терюховъ преподавалъ алгебру, Щепкинъ—геометрію и тригонометрію по руководствамъ лучшихъ новѣйшихъ писателей, аналитическую геометрію (она не входила въ курсъ университетскаго преподаванія)— самъ иниціаторъ, Муравьевъ. На ряду съ преподаваніемъ лектора занимались и переводами: такъ, между прочимъ, Муравьевъ перевелъ ариѳметику и геометрію Лакруа и пр. Общество съ первыхъ же своихъ шаговъ вызвало сочувствіе въ публикѣ — число слушателей простиралось отъ 20 до 50 человѣкъ, въ числѣ его почетныхъ членовъ находились, между прочимъ, и придворные—лица изъ свиты государя, самъ Александръ I выражалъ благоволеніе свое дѣятельности Общества (Н. Н. Муравьевъ получилъ отъ государя въ благодарность за помощь, оказанную Обществу, подарокъ въ видѣ брилліантоваго перстня). Обществу однако пришлось существовать недолго — Отечественная война положила конецъ систематическимъ занятіямъ.

Въ 1816 г. Общество возобновило свои занятія, но уже не въ качествѣ „Общества математиковъ", а въ видѣ учебнаго заведенія для колоновожатыхъ—въ этомъ знаменитомъ училищѣ, просуществовавшемъ до 1823 г., за недолгій періодъ его жизни получило образованіе 180 молодыхъ людей. Существуя частными средствами, но пользуясь правами казеннаго заведенія, „это замѣчательное учрежденіе", по словамъ Пыпина, (стр. 422) „было однимъ изъ лучшихъ выраженій того общественнаго духа, который пробуждается въ русскомъ

обществѣ времени Императора Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ идеальную любовь къ отечеству и ревностное желаніе служить его благу".

Здѣсь учились Никита Муравьевъ, Бурцовъ, кн. В. С. Голицынъ, Басаргинъ, Колошинъ, двое кн. Трубецкихъ, Мухановы и т. д...

На ряду съ указаннымъ обществомъ математиковъ въ первую половину царствованія Александра I возникаютъ студенческія научныя общества и при другихъ университетахъ. Уставъ 1804 г. требовалъ, чтобы университетъ сближался съ обществомъ и развивалъ бы такую ученолитературную дѣятельность, въ которой могло бы принимать участіе и общество—этому должно было содѣйствовать открытіе ученыхъ обществъ и раздача премій за лучшія сочиненія на заданныя университетомъ темы.. Уставомъ требовалось не только сближеніе университетовъ съ обществомъ, но и установленіе тѣсной связи между профессорами и студентами путемъ устройства научныхъ бесѣдъ, гдѣ профессора обязаны были исправлять „сужденія студентовъ и самый образъ ихъ выраженія и пріучать ихъ основательно и свободно измѣнять свои мысли" (*Булича*, „Очерки", т. I, стр. 45). При университетахъ, согласно требованіямъ устава, возникаетъ цѣлый рядъ ученыхъ обществъ, на засѣданія которыхъ допускаются съ разрѣшенія декана нѣкоторые „изъ отличнѣйшихъ студентовъ"; напр., открытое 1804 г. при Московскомъ университетѣ Общество исторіи и древностей россійскихъ, и въ 1805 г. Общество медицинскихъ и физическихъ наукъ.

Но первые годы царствованія Александра, какъ было указано выше, не были въ общемъ благопріятны для развитія научной дѣятельности университетовъ, а тѣмъ болѣе для развитія студенческой самодѣятельности. Свобода преподаванія сама собой отпадала въ виду недостатка ученыхъ силъ, свобода слушанія и занятій—въ виду недовѣрія къ самодѣятельности студентовъ. Студенческая среда по уставу 1804 г. не получаетъ того корпоративнаго устройства, той автономіи, которой достигъ преподавательскій персоналъ. Студенты, согласно первымъ студенческимъ правиламъ, находятся въ строгомъ подчиненіи у начальства, и

жизнь ихъ до мелочей регламентируется уставомъ: на ночь казеннокоштные воспитанники „должны быть запираемы“: опредѣляется далѣе, что студенты могутъ тратить на тѣ или другія свои нужды, опредѣляется отношеніе къ товарищамъ—подъ опасеніемъ быть заключеннымъ подъ стражу запрещалось подсмѣиваться и давать прозвища и т. д. (*Рус. Вѣд.* 1902 г., № 343). Съ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія и самодѣятельности, особенно подъ вліяніемъ близкаго знакомства послѣ двѣнадцатаго года съ жизнью западно-европейскаго общества, мы встрѣчаемся однако съ крутымъ переломомъ въ русской жизни, который знаменуется усиленнымъ подъемомъ общественнаго духа.

Первая четверть XIX вѣка становится „классическимъ временемъ“ всякаго рода обществъ и кружковъ: во всѣхъ слояхъ общества мы встрѣчаемся со стремленьемъ „дѣйствовать совмѣстно и собрать однородныя силы“ для работы. Въ періодъ всеобщихъ исканій и возбужденія умовъ создаются всевозможныя военныя, литературныя, филантропическія, масонскія и политическія общества: одни ищутъ нравственно-общественной дѣятельности въ тайныхъ и полутайныхъ масонскихъ ложахъ, другіе въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ (*Пып.*, стр. 383—384). Въ это время мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ литературныхъ кружковъ самыхъ разнообразныхъ направленій: около Державина группируются „литературные старовѣры старой классической школы“ и образуютъ въ 1811 г. Общество подъ названіемъ „Бесѣда“; сентиментальная школа создаетъ знаменитое Общество „Арзамасъ“ (1815—18 гг.—Карамзинъ), и, наконецъ, молодое либеральное поколѣніе создаетъ „Вольное Общество любителей словесности или Соревнователей просвѣщенія и благотворенія“, которое является уже не частнымъ кружкомъ, какъ предыдущія, а получаетъ офиціальное утвержденіе (*Пып.*, стр. 403).

Это всеобщее оживленіе умственной дѣятельности отозвалось и на университетахъ,—и не на одномъ только Московскомъ, гдѣ студенты, недовольные отсталымъ характеромъ преподаванія, какъ мы видѣли, образовали „Общество“ математиковъ: пробужденіе студенческой жизни сказывается и въ провинціальныхъ университетахъ. Въ Казанскомъ университетѣ студенты обращаются съ просьбой къ начальству, чтобы „имъ положено было читать особыя лекціи для ознакомленія ихъ съ общими энциклопедическими поня-

тіями о наукахъ" (*Университ. Извѣстія* Казанск. универ. 1875 г., № 2, с. 252). Въ цѣляхъ самообразованія среди тѣхъ же студентовъ Казанскаго университета и нѣсколькихъ учителей перваго выпуска возникаетъ литературное общество подъ названіемъ „Общество вольныхъ упражненій", въ которомъ близкое участіе принималъ авторъ „Семейной Хроники" Сергѣй Аксаковъ. „Общество вольныхъ упражненій" явилось прообразомъ будущаго „Казанскаго Общества любителей отечественной словесности"... Въ 1815 г. для „поощренія студентовъ къ занятіямъ" Чарторыжскимъ было учреждено въ Кременецкомъ лицеѣ „Общество для усовершенствованія въ авторствѣ и ораторствѣ". Предсѣдателемъ этого Общества *назначался* ученикъ, получившій въ предшествующемъ году золотую медаль, а членами — ученики, получившіе медали или награду на 2-омъ или 3-мъ курсѣ. Такимъ образомъ составъ Общества былъ ограниченъ. Впрочемъ, Общество могло приглашать въ члены и другихъ, „отличившихся въ сочиненіяхъ, но не иначе, какъ единогласно". Всякій другой, желающій вступить въ товарищество, „долженъ былъ представить какое-либо сочиненіе подъ девизомъ и въ запечатанномъ конвертѣ свое имя". Въ случаѣ признанія сочиненія годнымъ, Общество представляло его „на разсмотрѣніе подлежащему учителю": если послѣдній одобрялъ его, то предсѣдатель извѣщалъ конкурента, что онъ принятъ членомъ. Засѣданія Общества были какъ частныя, такъ и публичныя—и тѣ и другія должны были происходить не менѣе трехъ разъ въ годъ. Частное собраніе происходило за три недѣли до публичнаго: на немъ устанавливалось, какія работы должны быть представлены къ публичному засѣданію. Сочиненія членовъ подлежали цензурѣ учителей, предмета которыхъ касалось разсужденіе, и не должны были заключать ничего противнаго религіи, нравственности и правительству. Ученикъ, который прочиталъ бы вычеркнутыя мѣста, исключался изъ членовъ Общества, впрочемъ, съ правомъ быть избраннымъ на слѣдующій годъ; обстановка засѣданій была такая: „По прочтеніи реферата въ засѣданіи, предсѣдатель спрашивалъ, не желаетъ ли кто возражать. По окончаніи всѣхъ рефератовъ присутствующіе учителя рѣшали посредствомъ тайной подачи голосовъ, какой изъ нихъ признается наилучшимъ. Такой рефератъ записывался дословно въ протоколъ для напеча-

танія въ проектируемомъ въ Кременцѣ для изданія журналѣ и могъ быть вторично прочитанъ на публичномъ актѣ“ (*Владим.-Буд.*, стр. 67).

Аналогичное общество возникаетъ въ началѣ 1819 г. и при Харьковскомъ университетѣ — „Общество студентовъ любителей отечественной словесности“, устраивавшее еженедѣльныя собранія подъ предсѣдательствомъ студента А. Склабовскаго (впослѣдствіи былъ профессоромъ Харьковскаго университета) и подъ руководствомъ профессоровъ (*Сух.*, стр. 123). Членовъ въ Обществѣ было восемь, и при этомъ составѣ оно выпустило первый томъ своихъ „трудовъ“, гдѣ помѣщались проза, стихи и нравственно-назидательные статьи и переводы; нѣсколько времени спустя при томъ же университетѣ организовалось студенческое сотоварищество любителей наукъ. которые составили свой философскій факультетъ. Начало указанныхъ обществъ надо видѣть въ литературныхъ работахъ студентовъ Харьковскаго университета, которыя начались еще нѣсколько лѣтъ ранѣе учрежденія этихъ обществъ, а именно съ 1805 г., когда студенты-любители отечественной словесности стали впервые печатать свои литературные труды. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ нѣсколькимъ профессорамъ, которые, съ цѣлью познакомить общество съ наукой, стали издавать періодическія изданія и заводить при университетахъ литературныя собранія (*Булгичъ*. „Очерки“, т. I, стр. 52). Какъ бы ничтожна ни казалась намъ первоначальная роль этой періодической печати въ провинціи и литературныхъ кружковъ, она имѣла огромное значеніе на развитіе просвѣтительной и научной дѣятельности университетовъ, въ чемъ мы наглядно можемъ убѣдиться на примѣрѣ Харьковскаго университета: въ теченіе перваго десятилѣтія существованія Харьковскаго университета (съ 1805—1815 г.г.) изъ типографіи университета вышло 210 сочиненій, что составляло почти $^1/_{12}$ часть того, что произвело въ это время книгопечатаніе во всей Россіи; изъ этихъ 210-ти сочиненій 90 принадлежало профессорамъ, а 16 перу студентовъ (*Сухомл.* Ib., стр. 124). Студенты помѣщали свои работы преимущественно въ издававшемся при университетѣ (1809—10 гг.) „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ (*Багалѣй*, стр. 830—35). Въ 1811 г. вышелъ въ свѣтъ цѣлый сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ „Сочиненія воспитанниковъ войска Донского въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ“.

Сборникъ, изданный студентами Гречаковскимъ и Кондратьевымъ, былъ исключительно посвященъ описанію „мѣстопребыванія и свойствъ казаковъ войска Донского“: авторы въ стихахъ воспѣвали донскихъ осетровъ—„князь рыбій водъ тихаго Дона, красавецъ осетръ молодой“ (*Рудаковъ*, стр. 150). Это стремленіе молодого поколѣнія къ литературной дѣятельности нашло сочувственную поддержку въ возникшемъ при университетѣ въ 1812 г. „Обществѣ наукъ“, которое образовало два отдѣленія: словесное и естественное. Въ трудахъ Общества принимали участіе студенты и вольнослушатели университета, читая свои сочиненія и переводы въ засѣданіяхъ преимущественно словеснаго отдѣленія. Эти сочиненія студентовъ и вольнослушателей Императорскаго Харьковскаго университета появились въ 1817 г. въ печати—большинство помѣщенныхъ здѣсь статей были написаны на отвлеченныя темы, представляя изъ себя разсужденія философскаго содержанія: о развитіи нравственнаго чувства, о любви къ отечеству, мысли объ истинѣ и предразсудкахъ, объ истинномъ счастьѣ и т. д., впрочемъ, встрѣчаются и такія статьи, какъ напримѣръ, „Сравненіе Русской Правды съ Судебниками“ студента Несторовскаго... По примѣру харьковскихъ студентовъ открыли „содружество“ подъ названіемъ „Общества соревнователей отечественной словесности“ и студенты Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Общество лучшія изъ представляемыхъ сочиненій и переводовъ вносило въ особую книгу, называвшуюся „Эвксинскою Музою“ (*Сухомл.*, стр. 124).

Изъ приведеннаго краткаго обзора дѣятельности студенческихъ литературно-научныхъ кружковъ можно видѣть, что эти кружки значительно способствовали развитію университетской науки и благотворно вліяли на студенческую среду: они пробуждали любовь къ занятіямъ и обнаруживали наиболѣе крупныя молодыя силы. Конечно, уровень научныхъ интересовъ былъ невысокъ, отражая на себѣ культурное состояніе современнаго общества. Успѣхъ дѣятельности этихъ кружковъ въ первую половину царствованія императора Алаксандра I объясняется отчасти и благопріятными внѣшними условіями для ихъ существованія. Правительство, какъ мы уже нѣсколько разъ могли убѣдиться въ этомъ, относилось въ общемъ довольно сочувственно къ возникавшимъ въ средѣ студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ подобнымъ обществамъ, не-

рѣдко даже имъ покровительствовало и во всякомъ случаѣ, хотя бы формально, не ставило препятствій инціативѣ студентовъ: общества эти существовали открыто, получая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и офиціальную санкцію.

Скоро однако такой взглядъ, благопріятный для развитія чувствъ общественности и самодѣятельности въ студенческой средѣ, въ правительственныхъ сферахъ діаметрально измѣняется, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ судьба литературнаго общества, возникшаго въ 1821 г. въ Петербургѣ среди воспитанниковъ Александровскаго лицея. Инипіатива въ учрежденіи этого общества—„Общества лицейскихъ друзей" принадлежала просвѣщенному директору лицея Е. А. Энгельгарду. Съ цѣлью „домашнимъ способомъ занимать пріятно и полезно молодыхъ людей", директоръ завелъ у себя на квартирѣ еженедѣльныя вечернія собранія для литературныхъ бесѣдъ. Вотъ эти бесѣды и рѣшено было превратить въ правильно организованное Общество воспитанниковъ лицея для содѣйствія ихъ литературному образованію. Былъ выработанъ уставъ, въ основу котораго легли правила извѣстнаго намъ Общества математиковъ, учрежденнаго Муравьевымъ. Дѣйствительными членами Общества могли состоять исключительно лишь лицейскіе воспитанники старшаго возраста; въ почетные члены избирались преподаватели и гувернеры; современемъ же предполагалось „съ этимъ званіемъ приглашать и постороннихъ лицъ". Президентомъ общества состоялъ директоръ лицея. Предметомъ засѣданій должно было служить чтеніе и разборъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій членовъ. Каждый дѣйствительный членъ *обязанъ* былъ прочитать въ собраніи какое-либо свое сочиненіе или переводъ. Кромѣ частныхъ собраній въ присутствіи однихъ дѣйствительныхъ членовъ, по уставу полагались еще публичныя засѣданія съ участіемъ всѣхъ воспитанниковъ лицея—впослѣдствіи учредители Общества предполагали приглашать на такія засѣданія преподавателей и постороннихъ лицъ. Каждое публичное засѣданіе Общества должно было открываться рѣчью кого-нибудь изъ членовъ. Въ концѣ года, въ день рожденія „Благословеннаго Основателя лицея", предполагалось устраивать чрезвычайное собраніе, на которое приглашать и публику. Все происходящее на частныхъ собраніяхъ „отнюдь не должно было разглашать и переска-

зывать посторонним лицамъ". Для покупки словарей и другихъ книгъ при Обществѣ организовался специальный денежный фондъ, который долженъ былъ пополняться двухрублевыми взносами дѣйствительныхъ членовъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ уставъ „Общества лицейскихъ друзей", выработанный и подписанный директоромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми воспитанниками. Энгельгардъ, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ императора, открылъ Общество, не дожидаясь официальнаго утвержденія—11 ноября 1821 г. состоялось первое собраніе. Въ первыхъ засѣданіяхъ были разработаны, между прочимъ, слѣдующія темы: „отвѣтъ другу на вопросъ: если бы жилъ не въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то въ которомъ изъ предыдущихъ желалъ бы ты жить", „мысль о бытіи Высшаго существа и о безсмертіи души составляетъ основу добродѣтелей и счастья человѣка", „что вреднѣе для государства—частыя войны или дурное управленіе", объ общественномъ мнѣніи, на темы Руссо—„отчего просвѣщеніе народныхъ обществъ сопровождается испорченностью нравовъ," „сатирическая похвала клеветы", „вглядъ на главные перевороты въ русской исторіи", „о Мизантропѣ Мольера", „взглядъ на законодательство Екатерины" и др. Итакъ, Общество собиралось уже нѣсколько разъ, а утвержденія все еще не получило. Государь пожелалъ видѣть правила Общества, почему на Высочайшее усмотрѣніе, 6 декабря того же года, былъ представленъ проектъ устава. Черезъ мѣсяцъ, 14 января 1822 г., министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. Ал. Голицынъ извѣстилъ директора лицея, что „Его Величество соизволилъ признать учрежденіе такого Общества между воспитанниками лицея ненужнымъ"...

Получивъ такой отвѣтъ на свое ходатайство, Энгельгардъ собралъ воспитанниковъ и сказалъ имъ рѣчь, въ которой отмѣтилъ, что „повиновеніе волѣ начальства есть первая обязанность подданныхъ, а потому и надлежитъ намъ теперь же прекратить существованіе сего Общества... Оно прекращено по волѣ высшаго начальства — вотъ все, что можемъ, что должны мы дозволять себѣ о семъ сказать"... (*Я. Гротъ*, стр. 481—85).

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ направленія, враждебно обрушившагося на университетскую науку, подведемъ итоги дѣятельности университетовъ за первое десятилѣтіе прошлаго столѣтія. Университеты заняли

замѣтное мѣсто въ умственной жизни русскаго общества: являясь научными центрами и руководящими органами въ дѣлѣ народнаго образованія (по уставу 1804 г. университеты завѣдывали учебными округами, т. е. имъ принадлежала роль современнаго попечителя округа), университеты, помимо достиженія своей непосредственной задачи — воспитанія и образованія юношества, имѣли вліяніе на развитіе просвѣщенія и на первоначальное по крайней мѣрѣ знакомство съ наукой русскаго общества; этому способствовали публичные курсы и засѣданія, устраиваемыя университетомъ; около университетовъ развивалась преимущественно литературная дѣятельность — они явились организаторами провинціальной періодической печати и способствовали вообще развитію книжнаго дѣла въ Россіи. Вся эта просвѣтительная работа происходила при дружныхъ усиліяхъ какъ профессоровъ, такъ и студентовъ.

Масса русскаго общества была слишкомъ еще инертна и держалась слишкомъ примитивныхъ воззрѣній, чтобы понять образованное меньшинство, и тѣмъ самымъ питала и поддерживала правительственную реакцію. Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій императоръ Александръ I разочаровывается въ прежнихъ политическихъ идеалахъ и дѣлается представителемъ консервативныхъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ — проповѣдникомъ охранительныхъ идей священнаго союза. Это охранительное направленіе въ международной политикѣ неизбѣжно должно было перенестись и во внутреннюю; прежде всего оно отразилось на народномъ просвѣщеніи — было обращено особое вниманіе на то, чтобы дать „образованію и литературѣ должное направленіе“, т. е. стремились къ тому, чтобы они прониклись мистико-религіозными началами, въ которыхъ правительство видѣло единственное прочное основаніе для истиннаго просвѣщенія. Заботы о народномъ образованіи были поручены учрежденному въ 1817 г. смѣшанному министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (т. е. министерство народнаго просвѣщенія было соединено съ вѣдомствомъ св. Синода).

Къ этому времени Александръ разошелся не только съ сотрудниками-друзьями первыхъ лѣтъ своего царствованія, молодыми реформаторами, ставившими своею цѣлью перенести конституціонныя учрежденія Англіи на русскую почву, но и со Сперанскимъ; сблизился съ Аракчеевымъ, и по-

тому во главѣ новаго смѣшаннаго министерства былъ поставленъ одинъ изъ наиболѣе фанатичныхъ представителей реакціи и врагъ всѣхъ просвѣтительныхъ идей и либеральныхъ реформъ начала царствованія упомянутый уже нами кн. Голицынъ. Эти фанатики-обскуранты цѣликомъ восприняли отрицательный взглядъ германскихъ реакціонеровъ на нѣмецкіе университеты, въ которыхъ послѣдніе видѣли очаги революціи и разсадники вреднаго вольнодумства.

Въ 20-хъ годахъ нѣмецкіе университеты были подчинены, особыми правилами. выработанными на общегерманскомъ сеймѣ (карлсбадскія постановленія), строжайшему контролю, точно такъ же были подчинены надзору и русскіе университеты (*Учен. зап. Каз. Универ.* 1878 г. XIV, стр. 4041). Всѣ усилія русскихъ реакціонеровъ были направлены къ тому, чтобы „изгнать опасный духъ вольнодумства изъ учебныхъ заведеній, особенно изъ университетскаго преподаванія, и сочетать навсегда науку съ религіей, установить спасительное согласіе между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью". За преподаваніемъ во всѣхъ университетахъ былъ установленъ самый бдительный надзоръ— профессора должны были составлять подробные конспекты своихъ лекцій для представленія ихъ въ министерство, нѣкоторыя науки были объявлены вредными и т. д. Реакціонное направленіе по отношенію къ университетамъ наглядно можетъ иллюстрировать дѣйствія знаменитаго Магницкаго въ Казанскомъ университетѣ, который первый подвергся нападкамъ реакціи, враждебно обрушившейся на университетскую науку.

Магницкій требовалъ „публичнаго разрушенія" Казанскаго университета, зараженнаго духомъ „вольнодумства и лжемудрія". Такъ какъ эта радикальная мѣра не была одобрена государемъ, положившимъ на докладъ Магницкаго резолюцію: „зачѣмъ разрушать, можно исправить". (*Ключ.* 294). Магницкій приступилъ къ преобразованію университета „на началахъ священнаго союза", какъ онъ выражался. Въ 1821 г. для Казанскаго университета были изданы чрезвычайно характерныя инструкціи, опредѣляющія „духъ" и „направленіе", которымъ профессора обязаны были слѣдовать въ преподаваніи наукъ философскихъ, политическихъ, медицинскихъ и т. д. По этой инструкціи ректоръ обязанъ присутствовать на лекціяхъ, просматривать тетради студентовъ и наблюдать, „чтобы

духъ вольности ни открыто, ни скрыто не ослаблялъ ученія церкви въ преслѣдованіи наукъ философскихъ и историческихъ": философія должна руководиться исключительно Посланіями Апостола Павла и доказывать преимущество Священнаго писанія надъ наукой; начала политическихъ наукъ должны быть извлекаемы изъ твореній Моисея, Давида и Соломона и въ крайнемъ только случаѣ позволялось пользоваться Аристотелемъ и Платономъ; наука естественнаго права, какъ „мнимая наука", подверглась остракизму. Преподаватель византійскаго права, замѣнившаго римское, долженъ былъ руководствоваться Кормчей; на профессоровъ всеобщей исторіи возлагалась обязанность показывать слушателямъ „какъ отъ одной пары все человѣчество развелось"; преподаваніе новѣйшей исторіи—виновницы всѣхъ смутъ,было окончательно запрещено: русскій историкъ долженъ былъ доказывать, что при Владимірѣ Мономахѣ русское государство „упреждало всѣ прочія государства на пути просвѣщенія"; русская словесность превратилась въ исторію духовнаго краснорѣчія; математикъ въ свою очередь долженъ былъ строить свою науку на принципахъ нравственности и доказывать, что „математика вовсе не содѣйствуетъ развитію вольнодумства, подтверждая высочайшія истины вѣры: безъ единицы не можетъ быть числа, такъ и міръ не можетъ быть безъ единаго творца: гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть не что иное, какъ символическое соединеніе земного съ божествомъ" (*Ключ.*, стр. 295-9). Такимъ образомъ всѣ науки, не исключая и математики, должны были вести къ уничтоженію „разрушительныхъ началъ" и къ основанію просвѣщенія „на началахъ христіанской религіи". Такъ какъ преподаваніе должно было клониться къ утвержденію благочестія и религіи, то отъ профессоровъ не требовалось спеціальныхъ знаній, въ профессора брались люди, не получившіе даже высшаго образованія, одному лицу поручали читать заразъ шесть предметовъ, съ одной каѳедры перемѣщали на другую, не сообразуясь со спеціальностью профессоровъ (напримѣръ, профессоръ поэзіи долженъ былъ по распоряженію начальства читать политическую экономію и финансы). Считалось, что профессоръ тогда лишь удовлетворяетъ своей цѣли, когда онъ расточаетъ „похвалы магіи и кабалистики", произноситъ „обличеніе противъ науки и привѣтствуетъ обновленіе университетской жизни" (*Ик.* XI,

ст. 78). Въ почетные члены университетовъ попадали за благочестіе, а изъ библіотеки изгонялись всѣ сочиненія, несоотвѣтствующія этому требованію—даже сочиненія Карамзина были признаны проникнутыми якобинскимъ духомъ.

Такому же строжайшему надзору подверглась и учащаяся молодежь. У Магницкаго, стремившагося преобразовать Казанскій университетъ по типу католическихъ коллегій, явилось желаніе создать изъ университета и изъ студентовъ своего рода монашескій орденъ. Жизнь студентовъ регламентируется самыми строгими правилами монастырской дисциплины и наполняется упражненіями въ благочестіи: изъ студентовъ образуютъ иноческую общину, члены которой дѣлятся по степенямъ нравственнаго содержанія, а не по курсамъ, согласно возрасту и знаніямъ, „порченные“ студенты, такъ-называемые грѣшники, въ наказаніе помѣщаются въ комнату уединенія въ лаптяхъ и крестьянскомъ армякѣ—они должны были здѣсь передъ Распятіемъ Христа сокрушаться въ своихъ грѣхахъ. Пока происходилъ этотъ „искусъ“, товарищи каждый день передъ лекціями молились за грѣшника, а самъ онъ по раскаяніи исповѣдывался и причащался (*Ключ.*, стр. 296).

Не надо думать, что одинъ только Казанскій университетъ, подчиненный всецѣло попечителю, слишкомъ уже ревностно исполнявшему возложенную на него трудную задачу преобразованія и обновленія спеціально Казанскаго университета, сошедшаго съ пути истиннаго, находился въ такомъ положеніи,—въ аналогичныхъ условіяхъ приходилось дѣйствовать и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ Петербургскомъ университетѣ дѣйствовалъ въ духѣ Магницкаго попечитель округа—Руничъ, открывшій походъ противъ всѣхъ наукъ политическихъ и философскихъ. Онъ обвинилъ самыхъ „благонамѣреннѣйшихъ и консервативнѣйшихъ“ преподавателей въ неблагонадежности, въ томъ, что они стремятся къ „ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“ (*Грш.*, стр. 35). На судѣ, учиненномъ надъ этими профессорами, Руничъ доказывалъ, что „философскія и историческія науки“ въ университетѣ преподаются въ духѣ, противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняются идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Съ цѣлью устранить такое вредное вліяніе, для профессоровъ издаются инструкціи, аналогичныя казанскимъ, и преподавателю анатоміи

предписывается „находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію своему“ (*Сух.*, стр. 163). Вотъ какъ характеризуетъ историкъ Петербургскаго университета состояніе университета послѣ грозы, разразившейся надъ нимъ въ 1821 г. Преподавательскій персоналъ, по его словамъ, понизился до неузнаваемости, лучшіе профессора должны были выйти въ отставку—ихъ замѣнили полныя ничтожности. „Изъ новыхъ лицъ не было (*почти*) ни одного, которое бы о знаніяхъ и способностяхъ своихъ заявило чѣмъ-нибудь въ ученомъ мірѣ“: эти профессора не могли даже „думать не по заданной программѣ и дѣйствовать не по чужой указкѣ“ (*Григ.*, стр. 176). Нѣсколько въ сторонѣ отъ вліянія этой реакціи стоялъ Московскій университетъ, но и здѣсь въ двадцатыхъ годахъ, по инниціативѣ Магницкаго, профессора философіи обвинялись въ „слѣдованіи безбожному ученію Шеллинга“ и въ неумѣніи примирить ученіе Канта съ священнымъ писаніемъ. Преподаваніе всѣхъ наукъ было проникнуто ханжествомъ и піэтизмомъ. То же можно сказать и о Харьковскомъ университетѣ.

Какъ мы видѣли на примѣрѣ Казанскаго университета, реакція относилась съ подозрѣніемъ и къ студенческой средѣ. Изданныя въ 20-хъ годахъ правила для всѣхъ университетовъ устанавливаютъ строжайшій надзоръ за учащимися. Въ молодыхъ людяхъ всѣхъ учебныхъ заведеній— гласятъ эти правила — долженъ быть сохраненъ и утвержденъ начальствомъ страхъ Божій. Обучающееся юношество обязано почитать *всякое* начальство съ должнымъ повиновеніемъ, вести богобоязненную жизнь по правиламъ вѣры, не посѣщать публичныхъ собраній безъ дозволенія ректора (которое требуется даже для *прогулокъ* и ботаническихъ *гербаризацій*) и не читать книгъ, противныхъ христіанской вѣрѣ и существующимъ системамъ правительства, въ особенности же Россійскаго государства, и другихъ соблазнительныхъ, а также къ лекціямъ не принадлежащихъ книгъ (*Щег.*, стр. 76). Эти правила показываютъ намъ, какъ ограничивается въ періодѣ реакціи самодѣятельность учащейся молодежи.

Но въ то время, какъ научныя общества терпятъ гоненія, встрѣчаютъ сочувствіе и пользуются покровительствомъ всевозможныя библейскія сотоварищества, которыя и возникаютъ почти при всѣхъ университе-

тахъ. Начало этихъ обществъ лежитъ въ религіозныхъ бесѣдахъ, которыя, по волѣ монарха, стали устраивать во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ съ чтеніемъ священнаго писанія, „для насажденія благочестія въ духѣ вырастающаго поколѣнія къ созданію Царства Христа на землѣ“ (*Сухом.*, стр. 167). Постепенно эти чтенія превратились въ организованныя христіанскія бесѣды и сотоварищества, на которыхъ читались псалмы и велись разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей. Такимъ образомъ библейскія общества ставили своею задачею изученіе „Слова Божія“ и распространеніе его между „неимущими сей небесной манны, сего Божественнаго хлѣба“ (такъ опредѣляло свою задачу харьковское студенческое Библейское Общество), на этихъ собраніяхъ раздавалась проповѣдь любви и терпимости, но въ то же время слышались и голоса противъ науки... Итакъ, цѣль, которую преслѣдовали при учрежденіи этихъ обществъ, была достигнута: „во время всеобщаго броженія“ они являлись оплотомъ противъ безвѣрія „Вольтеровъ, Дидротовъ и Даламберовъ“, т. е. противъ тѣхъ просвѣтительныхъ идей, которыя, по мнѣнію реакціи, были источниками политическихъ движеній, оплотомъ „противъ лжемудрія германскихъ и англійскихъ философовъ, противъ лжесвятости и кощунства латинскихъ наперсниковъ“ (*Сушк.*, стр. 27).

А броженіе въ правительственныхъ сферахъ было дѣйствительно такое, что противъ него надо было найти оплотъ.

Вотъ какъ характеризуется это броженіе однимъ изъ современниковъ—гр. Уваровымъ. «Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который бы не жегъ, другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Море и Розенкампфа, бредни Ш... (Шишкова) и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-массонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ полное безуміе»... (*Рус. Арх.* 1887, с. 129). Необходимый оплотъ однако былъ найденъ и какъ разъ въ

тѣхъ самыхъ университетахъ, которые подвергались такимъ гоненіямъ со стороны реакціи.

Мечтательный и неопредѣленный мистицизмъ, распространившійся въ Россіи подъ вліяніемъ близкаго знакомства съ новымъ мистико-религіознымъ настроеніемъ западно-европейскаго общества, съ „германскими католическими и протестантскими теозофами", могъ увлечь даже столь малосклонную къ туманнымъ мечтаніямъ, какъ трезвую натуру практика-чиновника Сперанскаго, рекомендовавшаго одному изъ своихъ друзей заниматься мистическимъ созерцаніемъ и указывавшаго „способъ добыванья Ѳаворскаго свѣта устремленіемъ взоровъ на пупокъ при ноздреватомъ дыханіи" (*Рус. Арх.* 1870, с. 194),—этотъ мистицизмъ могъ увлечь эмоціональныя натуры и способствовать развитію массонства съ его сектантской проповѣдью „моральнаго перерожденія" человѣка путемъ вѣры, просвѣщенной разумомъ, и раціональнаго законодательства въ противовѣсъ идеямъ французской философіи: онъ могъ содѣйствовать сближенію въ одно время масонства съ интеллигенціей, могъ вызвать, наконецъ, къ дѣйствію темныя реакціонныя силы, но не могъ окончательно убить то общественное движеніе, которое было вызвано до извѣстной степени самимъ правительствомъ, воспитавшимъ общество въ духѣ тѣхъ просвѣтительныхъ идей, которыми оно руководилось въ своей преобразовательной дѣятельности въ первые годы царствованія Александра.

Стремленіе водворить „спасительное согласіе" между религіознымъ сознаніемъ, между образованіемъ умственнымъ и между порядкомъ политическимъ", по мѣткому выраженію проф. Ключевскаго, практически были разработаны такъ, что „вѣра, вѣдѣніе и разумъ" почувствовали себя еще большими врагами, чѣмъ прежде: это привело къ полному крушенію системы, основанной „на началахъ Священнаго Союза", что было, между прочимъ, оффиціально признано, напримѣръ, при ревизіи ген.-м. Желтухинымъ Казанскаго университета въ 1826 году. Конечно, подъ вліяніемъ реакціи университеты пришли въ упадокъ, самодѣятельность университетской корпораціи была стѣснена до нельзя, и ограничительныя мѣры должны были самымъ вреднымъ образомъ отразиться на развитіи науки и просвѣщенія. Мы приводили уже выше отзывъ историка Петербургскаго университета о состояніи науки въ двадцатыхъ годахъ. Еще къ худшимъ

результатамъ привела дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ Магницкаго, окончившаяся полнымъ банкротствомъ его системы. Этотъ университетъ потерялъ „даже тѣнь самостоятельности" (за время Магницкаго университетъ не выпустилъ ни одного научнаго сочиненія), утвержденіе религіи и благочестія, по словамъ современниковъ (Паррота), привело къ совершенно противнымъ результатамъ: по внѣшности университетъ сохранялъ порядокъ, но внутри это была „клоака всякой безнравственности" и, благодаря Магницкому, этому „непрошенному защитнику божескихъ и царскихъ правъ", по замѣчанію редактора *Русскаго Архива* (1871 г. X, стр. 243), „лучшіе юноши шли толпою въ злосчастный лагерь враговъ правительства".

Регрессъ видимъ мы и въ дѣятельности Харьковскаго университета, гдѣ уровень преподаванія до того понизился, что профессора, обязанные читать лекціи по конспектамъ и руководствамъ, утвержденнымъ министерствомъ, пользовались устарѣвшими и наивными научными сочиненіями XVII вѣка; гдѣ вмѣсто 28 профессоровъ, полагавшихся по штату, налицо было всего восемь (*Владим.-Буд.*, стр. 67). Но такъ пагубно отозвалось реакціонное направленіе преимущественно на новыхъ университетахъ, не успѣвшихъ еще окончательно сложиться и окрѣпнуть за недолгіе годы своего существованія. Старый Московскій университетъ, уже переживавшій разъ эпоху реакціи, сумѣвшій выйти изъ нея побѣдителемъ, легче выдержалъ борьбу съ тѣми препятствіями, которыя задерживали его развитіе. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ своего существованія онъ былъ, какъ мы видѣли, центромъ литературной дѣятельности; эта дѣятельность его не заглохла и во время реакціи, хотя, конечно, значительно сократилась подъ вліяніемъ стѣснительной цензуры, преслѣдующей авторовъ даже за такія новшества, какъ опусканіе буквы ъ при писаніи. И все-таки приходится сказать, что не только Московскій университетъ, но и другіе во время реакціи являлись единственными „хранителями истиннаго просвѣщенія и противниками господствовавшаго тогда мистическаго обскурантизма" (*Якуш.*, стр. 52); на это указываютъ всѣ вышеприведенные факты гоненій, которыя воздвигались на университетскую науку: очевидно, съ точки зрѣнія реакціи университеты своею дѣятельностью не подходили подъ тотъ идеалъ народнаго просвѣщенія, который себѣ ставили представители реакціи,

(даже въ Казанскомъ университетѣ, не имѣвшемъ и „тѣни самостоятельности“, во времена Магницкаго около половины студентовъ были отмѣчены неблагонадежными за равнодушіе въ дѣлѣ вѣры и буйство противъ начальства). Мы видимъ, какъ съ наступленіемъ болѣе благопріятнаго времени университеты быстро расцвѣтаютъ и снова становятся центромъ умственной жизни русскаго общества.

Прежде чѣмъ говорить о состояніи университетовъ въ тридцатыхъ годахъ, остановимся на характеристикѣ того отношенія, которое встрѣтили университеты со стороны новаго правительства. По существу царствованіе Императора Николая Павловича, принципіальнаго врага всякаго рода либеральныхъ началъ и общественной самодѣятельности, видѣвшаго въ нихъ источникъ катастрофы декабрьскихъ дней, было логическимъ продолженіемъ реакціоннаго направленія второй половины предшествующаго царствованія: консервативный и бюрократическій образъ дѣйствія, милитаризмъ—вотъ начала, господствовавшія въ программѣ новаго правительства. Мы уже говорили, что господство дикаго мистицизма въ 20-хъ годахъ расшатало учебную систему; это признаетъ и новое правительство, которое, находя нецѣлесообразными принципы, руководившіе до этихъ поръ воспитаніемъ юношества, принимаетъ цѣлый рядъ особыхъ мѣръ къ переустройству учебной системы и къ повышенію образовательнаго уровня университетовъ. Приговоръ надъ прежней системой произносится уже преемникомъ Голицына министромъ Шишковымъ. „Нравственный развратъ росъ и усиливался—говоритъ онъ—ослѣпленіе подъ священнѣйшимъ именемъ благочестія и человѣколюбія умѣло вползать въ сердца и поражать ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства стремились поколебать вѣру“ (*Икон.* XI, с. 82); по его словамъ, въ преподаваніе наукъ вкрались худыя и ненужныя постановленія, которыя слѣдуетъ „остановить, искоренить и обратить къ истиннымъ началамъ“.

Въ дѣйствительности же проекты реформы учебной системы сводились къ признанію ненужности просвѣщенія и необходимости внѣшней выправки—дисциплина есть единственный оплотъ противъ „своеволія мысли“ и „мечтательныхъ крайностей“. Проводить реформу было поручено министру народнаго просвѣщенія Шишкову, „ярому борцу

съ наплывомъ западныхъ европейскихъ идей“ и убѣжденному ретрограду, считавшему „все младшее поколѣніе литераторовъ, начиная съ Карамзина, безбожными и во всѣхъ отношеніяхъ вредными“ (*Рус. Арх.* 1871, стр. 178) и съ этой цѣлью составившему въ 1826 г. такой „чугунный“ цензурный уставъ, что на основаніи его, по словамъ одного изъ современныхъ ему цензоровъ, можно было и „Отче Нашъ“ перетолковать „якобинскимъ нарѣчіемъ“ (*Ик.* XI, с. 88).

Учебная реформа 1828 года, была проведена въ сущности не подъ вліяніемъ педагогическихъ соображеній, а главнымъ образомъ политическихъ: народное образованіе сводилось къ воспитанію государствомъ юношества съ *политическими* цѣлями, почему черезъ всю учебную систему долженъ былъ пройти красной нитью принципъ *единообразнаго* и *національнаго* обученія (система Тюрго). Чтобы достигнуть этихъ политическихъ цѣлей, новая учебная система стремилась прежде всего ограничить полученіе излишняго, роскошнаго образованія для тѣхъ, кому оно не нужно. Высочайшій рескриптъ 19 января 1827 г. устанавливаетъ сословный характеръ воспитанія. Онъ указываетъ на то, что „предметы ученія и самый способъ преподаванія“ должны быть по возможности „соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся“ — пусть каждый пріобрѣтаетъ познанія наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, „каждый гражданинъ не долженъ быть ниже своего состоянія“, но также не долженъ и стремиться „чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дня ему суждено оставаться“ (*Мил.* Оч. II, с. 316). Избыточное образованіе имѣетъ вредное вліяніе, поэтому доступъ въ университетъ ограничивается для лицъ низшихъ классовъ,— никто не долженъ получать образованія выше своего званія: крестьяне должны поступать въ приходскія и уѣздныя училища, купцы и ремесленники въ уѣздныя училища, въ высшія же учебныя заведенія должны допускаться лишь лица свободнаго сословія—дѣти дворянъ и чиновниковъ; въ каждомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній притомъ обученіе должно быть расположено такимъ образомъ, чтобы оно могло служить окончательнымъ образованіемъ того класса людей, для которыхъ таковыя училища преимущественно учреждаются

Но на ряду съ этимъ для привилегированнаго сословія—дворянства—высшее образованіе признается излишнимъ.

Дворянству рекомендуется поступать въ военныя учебныя заведенія, и его прельщаютъ будущими почестями, связанными съ „эполетами". Такимъ образомъ реформа сводилась, собственно говоря, къ уничтоженію разсадниковъ высшаго образованія, такъ какъ въ университетъ могли лишь поступать лица чиновничьяго класса. На ряду съ этимъ принципомъ ограниченія образованія для низшаго сословія въ новой учебной программѣ выставленъ былъ и другой принципъ — воспитаніе должно носить общественный характеръ и „всецѣло находиться въ рукахъ государства". Этотъ принципъ былъ такъ формулированъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ: „Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ казармъ" (*Миг.* I, 317). Если первоначально въ характерѣ царствованія Императора Николая I замѣчалась нѣкоторая двойственность и отсутствіе опредѣленнаго направленія, то очень скоро господствующимъ тономъ въ программѣ правительства, котораго оно уже неуклонно держалось, явился „тричастный русскій символъ—православія, самодержавія и народности" (*Рус. Арх.* 1871, с. 179); по отношенію къ народному просвѣщенію эта программа наиболѣе ярко была выражена министромъ Уваровымъ въ видѣ провозглашенія программы „офиціальной народности". Главныя начала, которыя Уваровъ включалъ въ систему общественнаго образованія, были имъ опредѣлены въ 1837 г. въ такихъ словахъ: „Посреди быстраго паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ: найти начала, въ коихъ зиждется благоденствіе, силы, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные остатки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастью, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить... Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного

перла изъ вѣнца Мономахова. Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. На ряду съ сими двумя національными началами находится и третье, не менѣе важное, не менѣе сильное: народность..." (*Мал.* Энц. Сл., стр. 791).

Въ сферѣ университетскаго образованія новую программу предполагалось проводить путемъ установленія болѣе строгаго надзора за университетами, созданія поколѣнія *русскихъ* профессоровъ, которые преподавали бы *русскую* науку и въ *русскомъ* духѣ, и ограниченія доступа въ университеты молодежи изъ низшихъ сословій—умѣрить,—какъ говорилъ въ своей докладной запискѣ, представленной государю, Уваровъ въ 1835 г.,—приливъ юношества въ учебныхъ заведеніяхъ высшаго разряда" (*Щег.*, стр. 129). Какому надзору было подвержено всякое проявленіе общественной самодѣятельности, а слѣдовательно и университетская наука, мы можемъ судить по тѣмъ стѣснительнымъ мѣрамъ, которыя примѣнялись по отношенію къ литературѣ и къ жизни учащейся молодежи.

Въ тридцатыхъ годахъ открытіе журналовъ разрѣшалось лишь съ Высочайшаго соизволенія, а въ 1836 г. окончательно было запрещено дѣлать представленія о разрѣшеніи новыхъ журналовъ. Цензора обязаны были не допускать къ печати философскихъ сочиненій, наполненныхъ „пагубными мудрствованіями новѣйшихъ временъ"—напримѣръ, сочиненія Беккаріа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", изданнаго ранѣе по Высочайшему повелѣнію въ 1803 г.; на обязанности тѣхъ же цензоровъ лежалъ просмотръ сочиненій медицинскихъ и естественныхъ, при чемъ они должны были исключать всѣ безполезныя отступленія, „отвлекающія читателей отъ міра вещественнаго къ духовному, нравственному и гражданскому міру", всякая вредная теорія, какъ о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и т. п. отнюдь не должны были быть „одобряемы къ печатанію... (*Пк.* XI, с. 89, прим. I). Такія же стѣснительныя мѣры были примѣнены и по отношенію университетскаго преподаванія: комитетъ по устройству учебныхъ заведеній долженъ былъ „опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученія и воспретить обозначать сочиненія, которыми можно пользоваться при препо-

даванія по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ". Ограничительныя мѣры по отношенію къ студентамъ вытекали изъ тѣхъ соображеній, что въ университетѣ молодежь должна получать нравственное воспитаніе, т. е. должна быть дисциплинирована, какъ на военной службѣ...

Инструкціями 30-хъ годовъ въ основаніе этой нравственности кладется религія; главнѣйшею обязанностью университетскаго начальства признается попеченіе о религіозномъ направленіи мысли учащихся, но въ сущности это попеченіе сводится къ наблюденію за внѣшними признаками набожности, а именно, чтобы всѣ студенты ходили бы къ обѣднѣ и т. д. (*Влад.-Буд.*, стр. 156). Студентамъ была дана форма, уставъ регламентировалъ всѣ ихъ нравственныя обязанности и заботился даже объ устраненіи недостатковъ въ ихъ наружномъ образованіи—напримѣръ, о прическахъ: стрижка волосъ должна была происходить по опредѣленной формѣ, о манерахъ—сумрачный взглядъ исподлобья показывалъ въ студентахъ вольнодумство и т. д. Студентовъ начинаютъ обучать фронтовой службѣ, дѣлятъ ихъ на баталіоны и придаютъ строю университетской жизни характеръ военно-учебныхъ заведеній—для студентовъ вводятся даже военныя лагерныя занятія въ теченіе лѣтнихъ вакацій, производятъ, какъ тогда выражались, „военныя эволюціи" (*Щег.*, стр. 93). Существующая для надзора за направленіемъ мыслей и нравственности студентовъ инспекція назначается изъ лицъ, ничего общаго къ университетской корпораціи не имѣющихъ,—изъ отставныхъ военныхъ („ученый чиновникъ"—профессоръ считался мало пригоднымъ для воспитанія юношества): бывали случаи, когда въ инспектора въ высшія учебныя заведенія попадали уѣздные городничіе и даже урядники (*Рус. Арх.* 1875, II, с. 350). Въ научномъ отношеніи отъ студентовъ не требовалось ничего, кромѣ заучиванія учебниковъ наизусть—считалось даже за „дурную наклонность къ вредному свободомыслію, если студенты на экзаменахъ или на репетиціяхъ отвѣчали изъ „учебниковъ своими словами" (*Гри.*, стр. 68). Но эта опека не достигла желаемыхъ результатовъ: оказалось и невозможнымъ загнать молодежь въ опредѣленныя заведенія и продержать ихъ тамъ до конца курса, какъ этого желалъ Пушкинъ: нельзя было направить также и все привилегированное сословіе въ военно-учебныя заведенія—далеко не всѣ переходили, прельщаясь блестящими кавалергардскими и гусарскими доспѣхами, изъ области научной

въ область „шагистики и зуботычинъ — главнѣйшихъ аттрибутовъ военной службы того времени" (*Рус. Стар.* 1881, с. 368)—объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ фактъ, что въ періодъ 1837—1857 г. контингентъ учащихся во всѣхъ университетахъ возвысился съ 2002 до 3551. Теорія въ данную эпоху слишкомъ разошлась съ практикой, и университеты подъ вліяніемъ русской общественной жизни достигаютъ несомнѣннаго развитія.

Этимъ развитіемъ наши университеты были обязаны молодымъ профессорамъ, вернувшимся изъ заграничныхъ командировокъ для подготовки къ ученому званію, и позже тѣмъ *русскимъ* профессорамъ, о которыхъ мечталъ гр. Уваровъ—они посылались въ теченіе 1828—38 г. для усовершенствованія въ Дерптскій университетъ и здѣсь пріобрѣтали серьезныя познанія и горячую любовь къ наукѣ: въ Дерптскомъ университетѣ, стоявшемъ вдали отъ катастрофъ, постигавшихъ другіе русскіе университеты, и находившемся въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ автономными германскими университетами, царствовала атмосфера чистой науки, университетъ процвѣталъ и дѣлался разсадникомъ умственныхъ силъ для Россіи.

Новымъ русскимъ профессорамъ пришлось начать свою дѣятельность при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Въ первые годы царствованія Николая I—въ переходное время, пока еще опредѣленно не выяснилась реакціонная программа учебной системы послѣдующаго періода, университеты могли вздохнуть свободно и оправиться отъ той дезорганизаціи, въ которую привело ихъ господство мистическаго обскурантизма двадцатыхъ годовъ.

Императоръ Николай I, относясь несочувственно къ прогрессивнымъ теченіямъ западно-европейской мысли, еще съ большей враждебностью былъ настроенъ по отношенію къ мистицизму Александровскаго царствованія. Не только всѣ представители прежней реакціонной партіи были отставлены отъ своего владычества, но университеты вновь получили даже нѣкоторую самостоятельность—возобновленъ былъ, правда съ урѣзками, автономный уставъ 1804 г. Новый уставъ 1835 г. подчиняетъ университетъ контролю попечителя и въ то же время, снимая съ университетовъ обязанность по завѣдыванію училищами въ округѣ, даетъ возможность профессорамъ сосредоточиться на своихъ прямыхъ обязанностяхъ и заняться исключительно своей спе-

ціальностью: университетъ по новому уставу не разсматривается, какъ ученое общество, имѣющее двѣ равносильныя цѣли: преподаваніе и разработку науки — университетъ есть только учебное заведеніе, но съ извѣстной академической свободой—коллегіальное учрежденіе съ выборными властями. Эта свобода дала возможность университетамъ настолько окрѣпнуть, что они смогли бороться съ тѣми реакціонными началами, которыя постепенно развивались въ тридцатыхъ годахъ, чтобы во вторую половину царствованія Николая I, быть можетъ, еще съ большей враждебностью, обрушиться на университетскую науку, чѣмъ во время Александра I, и создать самую неблагопріятную атмосферу для университетской науки и общественной самодѣятельности. Но пока реакція еще не развилась, университеты достигли значительнаго развитія; молодые русскіе профессора привезли съ собой тѣ „нѣмецкія тетради“, которыхъ такъ опасались въ правительственныхъ сферахъ тридцатыхъ годовъ, они привезли съ собой и „нѣмецкія теоріи“. Въ то время, какъ прежде аудиторіи у старыхъ профессоровъ пустовали, представляя изъ себя „песчаныя, безплодныя пустыни, среди которыхъ рѣдко встрѣчались цвѣтущіе оазисы“, кругомъ новыхъ молодыхъ профессоровъ, среди которыхъ нѣсколько позже были такіе выдающіеся ученые, какъ Неволинъ, Пироговъ, Кудрявцевъ, Грановскій и др., собиралась многочисленная аудиторія, преисполненная идеальныхъ стремленій. Эта молодежь ищетъ удовлетворенія своихъ исканій въ университетской наукѣ и, если не находитъ его, рѣшается собственными силами создать соотвѣтствующую ея настроеніямъ атмосферу. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ научно-общественныхъ студенческихъ кружковъ и организацій.

Посмотримъ, какъ организуется студенческая жизнь по собственному почину, вопреки всякаго рода издаваемымъ инструкціямъ, стремящимся стѣснить и поставить ее въ очень узкія и опредѣленныя рамки военной дисциплины. Среди образовательныхъ Обществъ, организованныхъ въ 30-ыхъ годахъ университетской молодежью, мы прежде всего должны остановиться на двухъ замѣчательныхъ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ подъ вліяніемъ передовыхъ идей, господствовавшихъ въ Германіи: одинъ изъ этихъ кружковъ былъ составленъ Герценомъ и Огаревымъ, во главѣ другого стояли Станкевичъ и Бѣлинскій. Значе-

ніе въ общественной русской жизни этихъ кружковъ слишкомъ хорошо извѣстно, и мы можемъ здѣсь о немъ почти не говорить. Въ этихъ кружкахъ, по словамъ Пыпина, созрѣли умственные интересы, которымъ предстояло двинуть впередъ общественное сознаніе: отсюда дѣйствительно вышла цѣлая плеяда выдающихся общественныхъ дѣятелей и корифеевъ нашей литературы. Упомянутые кружки составились первоначально изъ курсовыхъ товарищей, но вскорѣ стали примыкать къ нимъ и другія лица, не принадлежавшія иногда даже къ университету и привлеченныя туда лишь общностью интересовъ — между прочимъ, въ составъ кружковъ вошли Боткинъ, Кудрявцевъ, Грановскій, К. Аксаковъ и др. (*Пып.* В. Г. Бѣлинскій, т. I, с. 125). Шли сюда люди, какъ Бѣлинскій, неудовлетворенные ограниченнымъ объемомъ нашей школьной науки и „рутинизмомъ" нашихъ университетовъ, но съ глубокой потребностью сознательныхъ идей и нравственныхъ принциповъ, граждане, преслѣдующіе „общественное благо". На первыхъ порахъ оба кружка во многомъ расходились между собой—Герценскій кружокъ увлекался общественными теоріями, кружокъ Станкевича болѣе философіей и задавался идеальными стремленіями. Въ 1839—40 г. оба кружка, прежде враждебные, слились, и почвой для слiянія послужили тѣ цѣли, къ которымъ стремились оба кружка—общественное благо.

На ряду съ этими кружками существовали въ Москвѣ и славянофильскіе кружки, начало которыхъ восходитъ къ 20-мъ годамъ, когда славянофилы учредили въ 1825 г. „Общество любомудрія" во главѣ съ Веневитиновымъ. Первоначально эти кружки были совершенно чужды политическаго общественнаго направленія, преобладавшаго въ большинствѣ тогдашней молодежи—члены ихъ занимались философіей: изученіемъ мистиковъ, нѣмецко-философскихъ системъ Шеллинга и Гегеля и философско-историческихъ теорій національной самобытности; однако въ 40-хъ годахъ они вступаютъ въ связь съ западниками—и въ салонахъ, гдѣ собираются и тѣ и другіе, горячо и сердечно дебатируются животрепещущія общественныя темы и вопросы объ отношеніи философіи къ религіи (*Мил.* Энц. Сл. „Славянофилы"). Несомнѣнно, эти собранія въ салонахъ Елагиной, Свербеевыхъ и пр., гдѣ Герценъ и Бѣлинскій, выступая критиками славянофильской доктрины, встрѣчали

оппонентовъ въ лицѣ Хомякова и Кирѣевскаго, можно разсматривать, какъ отдѣльные кружки, возникающіе среди учащейся молодежи. Такіе же частные кружки мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и въ Харьковѣ, гдѣ иниціаторомъ этого дѣла явился студентъ второго курса — братъ Станкевича; между прочимъ также въ Кіевѣ, гдѣ кружокъ студентовъ подъ руководствомъ О. М. Новицкаго перевелъ сочиненіе Barchou de Tonhoen „Histoire de la philosophie allemande depuis Leibniz jusqu'à Hegel" (*Влад.-Буд.*, стр. 154)—все это, конечно, свидѣтельствуетъ о значительной степени умственнаго развитія нѣкоторой части студентовъ. Упоминая о славянофильскихъ кружкахъ, существовавшихъ въ сороковыхъ годахъ, мы должны отмѣтить кружокъ, возникшій въ Кіевѣ при университетѣ въ 1845 г.—это „Славянское Общество", если только можно назвать Обществомъ частныя бесѣды 2—3 знакомыхъ (начальство считало этотъ кружокъ Обществомъ). Славянское Общество въ Кіевѣ просуществовало всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ; собиравшіеся здѣсь молодые люди, кромѣ идей собственно панславистическихъ, изучали бытъ Малороссіи, разсуждали о необходимости и распространеніи народнаго образованія путемъ начальныхъ школъ и литературы для народа, о вредѣ крѣпостного права и т. д. (*Влад.-Буд.*, стр. 531, 541). Этотъ кружокъ несомнѣнно явился предшественникомъ знаменитаго „Украинофильскаго Общества Кирилла и Меѳодія", сконцентрировавшагося около Костомарова. Въ Обществѣ принимали участіе Кулишъ, Маркевичъ, Шевченко и др. Участіе въ Обществѣ для многихъ членовъ дружескаго кружка, какъ извѣстно, имѣло печальныя послѣдствія: одни понесли ссылку, другіе—тюремное заключеніе.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ, такъ сказать, пріятельскихъ кружковъ, возникаютъ въ тридцатыхъ годахъ и обще-студенческія организаціи, преслѣдующія отчасти научныя цѣли и во всякомъ случаѣ цѣли общественно-просвѣтительныя,—самообразованія. Такія организаціи существуютъ съ конца 30-ыхъ годовъ (въ 1836—37 гг.) въ Петербургскомъ университетѣ; образуются они по типу дерптскихъ корпорацій,—всѣ правила, постановленія и обычаи, по словамъ одного изъ участниковъ въ этихъ организаціяхъ (*Ист. Вѣст.* 1880, № 4, с. 783), вывезъ изъ Дерпта одинъ изъ русскихъ студентовъ, увлекшійся духомъ тамошней студенческой жизни. Эта жизнь въ Дерптѣ съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія университета складывалась

совсѣмъ по иному, чѣмъ въ другихъ русскихъ университетахъ. Какъ мы уже говорили, Деритскій университетъ, пользуясь большими преимуществами и вольностями, приближался къ типу свободныхъ германскихъ университетовъ, если не всегда въ теоріи, то по крайней мѣрѣ на практикѣ. Несмотря на то, что студенческая жизнь въ Дерптѣ регламентировалась по правиламъ и инструкціямъ до такихъ же мелочей, какъ и въ другихъ университетахъ, уже съ 1803 г. мы встрѣчаемся здѣсь съ первыми попытками нѣкоторой организаціи и группировки въ студенческой средѣ въ цѣляхъ единенія—онѣ выражаются въ выборѣ депутатовъ отъ студенчества для разрѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, возникающихъ въ академической жизни, учрежденіи суда чести и общихъ студенческихъ собраній.

Университетское начальство не придавало особаго значенія такимъ собраніямъ и открыто дозволяло имъ свободное существованіе, пользуясь тѣмъ, что первый уставъ Дерптскаго университета запрещалъ только такія собранія, относительно которыхъ доказано будетъ, что они имѣютъ предосудительныя намѣренія, общественному спокойствію и порядку противныя (§ 17). Расширенію этого корпоративнаго устройства способствовалъ до извѣстной степени демократическій духъ, господствовавшій въ товарищеской средѣ, и уже въ 1806 г. общія студенческія собранія начинаютъ функціонировать на основаніи опредѣленнаго писаннаго устава—команa, составленнаго самими студентами по образцу аналогичныхъ уставовъ, существовавшихъ въ Лейпцигскомъ и Іенскомъ университетахъ. Правда, уже черезъ три года въ 1809 г. этотъ „команъ“ былъ сожженъ начальствомъ, и возникшее было „студенческое объединеніе“ распалось. Распаденіе объясняется и тѣмъ, что къ этому времени въ студенческой средѣ получаетъ преобладаніе надъ принципомъ общестуденческой организаціи принципъ единенія по землячествамъ. Въ 1807—1809 г. г. возникаютъ четыре землячества, названныя по губерніямъ, гдѣ была родина ихъ членовъ,—Curonia, Livonia, Estonia и Finnonia (послѣдняя однако вскорѣ за недостаткомъ членовъ прикончила свое существованіе) и позже (1828) Polonia, а въ слѣдующемъ году „Ruthenia“. Первое время землячествамъ приходилось конкурировать съ продолжавшими существовать, несмотря на катастрофу 1809 г., организаціями, основанными на прин-

ципѣ общестуденческаго объединенія и возникшими на ряду съ этимъ въ 1812 г. факультетскими организаціями—во главѣ каждой факультетской группы стоялъ выборный староста-senior, созывавшій факультетскія собранія, завѣдывавшій групповой кассою, библіотекой и т. д. Бывали и общія собранія студентовъ всѣхъ факультетовъ (*Пьтух.*, с. 277—79). Участіе въ факультетскихъ группахъ не было обязательнымъ для каждаго студента—желающій могъ держаться въ сторонѣ. Университетская администрація, хотя офиціально и не признавала организованныя въ такомъ видѣ факультетскія группировки, но знала о нихъ существованіи и не преслѣдовала, считая подобныя организаціи менѣе опасными, чѣмъ землячества: въ нѣкототорыхъ случаяхъ „сеніоры" играли даже роль представителей товарищескихъ группъ и посредниковъ передъ администраціей университета. Факультетскія собранія прекратили свое существованіе въ 1816 г., и тогда начинаетъ развиваться земляческій принципъ; болѣе или менѣе прочное устройство корпораціи получили въ 20-хъ годахъ, когда всѣ студенческія организаціи были признаны вредными и несовмѣстными съ обязанностями студентовъ". Отдѣльныя корпораціи объединялись между собой путемъ частныхъ соглашеній (картель), а въ началѣ тридцатыхъ годовъ (1834) учреждается „Собраніе уполномоченныхъ" (Chargirten-convent), которое становится центральнымъ и административнымъ органомъ корпораціоннаго студенчества; въ собраніе уполномоченныхъ позже вступаютъ и представители студентовъ, не входившихъ въ составъ цвѣтныхъ корпорацій—Vildenverretung („vilde"—дикими назывались всѣ некорпоранты). На ряду съ этой общестуденческой организаціей еще въ 1823 г. возникаетъ „Дерптскій Союзъ" (Dorpatsche Burschenschaft), учрежденный „съ цѣлью объединенія учащихся въ Дерптскомъ университетѣ связью разсудка, нравственности и научнаго образованія, а также для установленія въ университетѣ истинной студенческой жизни". Хотя, несомнѣнно, настоящее Общество возникло подъ вліяніемъ аналогичныхъ студенческихъ Обществъ въ Германіи (Burschenschaft), ставившихъ себѣ политическія цѣли, оно тѣмъ не менѣе устранило изъ своей дѣятельности политическую тенденцію; не будучи чуждыми, по словамъ Пирогова (сочин., т. I, стр. 96), политическихъ идей, интересуясь общественными движеніями того времени на Западѣ, члены „Дерптскаго Союза",

выступали съ тѣмъ же девизомъ, какъ и нѣмецкія Burschenschaft, „честь, свобода, отечество", но не стремились къ *конкретнымъ* политическимъ цѣлямъ (работая надъ своимъ „умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ.") (*Пет.*, стр. 547—51).

Цвѣтныя корпораціи, одно время запрещенныя, вскорѣ были однако снова разрѣшены и даже во второй періодъ жизни Дерптскаго университета получили офиціальную санкцію. Разрѣшеніе такихъ корпорацій объясняется благопріятными отзывами, которые неоднократно давало въ тридцатыхъ годахъ министерство о поведеніи дерптскихъ студентовъ: напримѣръ, благодаря всеподданнѣйшему докладу министра гр. Уварова въ 1838 г., для студентовъ Дерптскаго университета были изданы новыя правила, которыя предусматривали возможность устройства, кромѣ корпорацій, „студенческихъ Обществъ, имѣющихъ ученую цѣль, также занятія литературой и искусствомъ" (*Рус. Вѣд.* 1902. № 343). Благодаря такому исключительному положенію, духъ общественности и самодѣятельности былъ сильно развитъ среди учащейся молодежи Дерптскаго университета и выражался въ организаціи цѣлаго ряда имѣющихъ научную цѣль обществъ... Еще въ 1811 г. для общенія профессоровъ со студентами, по иниціативѣ проф. Бурдаха, возникъ медицинскій кружокъ— „Aerztliche Gesellschaft zu Dorpat": предполагалось, что здѣсь „профессора, студенты и уже *окончившіе* свое образованіе медики будутъ сходиться для научныхъ докладовъ и сообщеній, для чтенія вновь выходящихъ журналовъ и книгъ и для устройства популярныхъ бесѣдъ о научныхъ вопросахъ съ публикой". Когда дѣло было уже фактически налажено и даже устроено частнымъ образомъ нѣсколько засѣданій, Бурдахъ обратился къ ректору съ офиціальнымъ заявленіемъ о возникшемъ Обществѣ и, представляя выработанный членами его проектъ устава, просилъ исходатайствовать Обществу формальное разрѣшеніе на существованіе. Однако для этого неожиданно встрѣтились большія затрудненія — и попытка основанія перваго ученаго Общества при Дерптскомъ университетѣ закончилась полной неудачей. Прежде всего учрежденіе Общества вызвало протестъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, руководившихся при этомъ соображеніями исключительно формальнаго и личнаго характера. По заведенному въ университетѣ порядку проектъ до утвержденія черезъ попечителя министромъ

подлежалъ одобренію университетскаго совѣта. Когда же ректоръ циркулярно предложилъ членамъ совѣта разсмотрѣть представленный Бурдахомъ уставъ медицинскаго Общества, большинство голосовъ высказалось противъ, такъ какъ профессора обидѣлись на то, что Бурдахъ дѣйствовалъ помимо ихъ; въ результатѣ Бурдахъ получилъ увѣдомленіе отъ ректора, что Совѣтъ, согласно предложенію профессоровъ Гута и Ледебура, дозволилъ лишь веденіе обыкновенныхъ „диспутаторій и конверсаторій" по медицинскимъ вопросамъ внѣ лекцій, и то при условіи, что ректоръ во всякое время можетъ посѣтить эти собранія для контроля надъ характеромъ и направленіемъ этихъ бесѣдъ. Такой отвѣтъ Бурдаху показался оскорбительнымъ — онъ счелъ это за недовѣріе и даже посягательство на свои профессорскія права: профессоръ и безъ того имѣетъ право вести всякаго рода научныя собесѣдованія, не испрашивая съ этой цѣлью каждый разъ особаго на то разрѣшенія отъ университетскаго совѣта. Итакъ, „профессоръ пойдетъ на лекціи къ своему товарищу, чтобы узнать, соотвѣтствуетъ ли она его воззрѣніямъ, и если нѣтъ — то сдѣлаетъ на товарища доносъ!?" — писалъ Бурдахъ въ своемъ отвѣтѣ ректору; находя такое стѣсненіе профессорской научной и общественной дѣятельности униженіемъ достоинства университета и симптомомъ его паденія, Бурдахъ не только отказался отъ своего желанія учредить медицинское Общество, но заявилъ, что прекращаетъ и преподаваніе до тѣхъ поръ, пока вся корпорація университета не выразитъ своего негодованія за нанесенное профессорами Гутомъ и Ледебуромъ оскорбленіе... Болѣе удачнымъ и прочнымъ оказалось другое учрежденіе, возникшее съ той же цѣлью черезъ два года — (въ 1814 г.) — Общество «Academische Musse». Еще въ первый годъ существованія университета въ профессорской средѣ возникла мысль основать кружокъ для объединенія университетской корпораціи съ образованной частью дерптскаго общества; тогда идея основанія Общества не приняла реальной формы благодаря противодѣйствію генералъ-губернатора князя Голицына. Черезъ десять лѣтъ эта мысль возродилась снова; по иниціативѣ девяти профессоровъ былъ выработанъ проектъ устава и возбуждено ходатайство объ открытіи Общества подъ названіемъ „Museum für Litteratur, Kunst und Erholung", къ этому движенію примкнули и студенты подъ руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ Пар-

рота и Эверса, общими усиліями проектъ былъ выработанъ въ окончательномъ видѣ и утвержденъ 3 іюля 1814 года. Новое Общество, получившее названіе „Академической Муссы", ставило своею задачею „доставлять членамъ его, а равно и остальной образованной части городского общества, возможность приличнаго и недорогого времяпровожденія, которое должно состоять не только въ обыкновенныхъ общественныхъ развлеченіяхъ, но и въ занятіяхъ литературой и искусствомъ". Согласно его уставу (Verfassung der Academischen Musse zu Dorpat), членами Общества (§§ 1, 2) могли состоять профессора и вообще преподаватели университета, синдикъ и секретари, *студенты*, городскіе проповѣдники, учителя казенныхъ учебныхъ заведеній и тѣ лица изъ городской публики, которыя будутъ приглашены въ качествѣ членовъ-учредителей (затѣмъ составъ Общества пополняется выборами посредствомъ баллотировки): управленіе дѣлами Общества (§ 8) вѣряется девяти директорамъ, изъ которыхъ шесть выбираются изъ профессоровъ, преподавателей или чиновниковъ университета, городскихъ проповѣдниковъ и школьныхъ учителей, а три — изъ остального состава Общества; *студенты* (§ 12) *также избираютъ изъ своей среды девять представителей, которые установленнымъ порядкомъ дежурятъ въ обществѣ, подобно „директорамъ"*: обычныя занятія Общества (§§ 14 и 17) состоятъ въ литературныхъ бесѣдахъ, чтеніи газетъ и журналовъ, играхъ, но не азартныхъ; литературныя бесѣды имѣютъ въ виду главнымъ образомъ сообщенія свѣдѣній о новыхъ открытіяхъ, о произведеніяхъ искусства и науки, чтеніе напечатанныхъ и не напечатанныхъ произведеній, устройство художественныхъ выставокъ, общедоступныхъ сообщеній на научныя темы: кромѣ того, имѣется въ виду устройство баловъ и концертовъ. Съ самого же начала, Общество, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Деритскаго университета (*Пым.*, стр. 287—291), „обнаружило значительную жизненность": число членовъ быстро возрастало, собранія бывали многочисленными и служили „весьма важнымъ объединительнымъ средствомъ разныхъ слоевъ университетской среды и городского населенія"; посѣщались собранія Общества охотно и студентами.

На ряду съ „Академической Муссой" въ описываемое время въ студенческой средѣ возникали и болѣе тѣсные товарищескіе, частные литературные кружки. У автора исторіи Деритскаго университета мы находимъ свѣдѣнія о двухъ такихъ

кружкахъ. Первый изъ нихъ составился въ 1812 г. между студентами богословскаго факультета и просуществовалъ четыре года, распавшись естественнымъ путемъ—члены его (18) окончили университетъ. Кружокъ имѣлъ писанный уставъ, скрѣпленный подписью семи членовъ-учредителей: ставилъ онъ своею цѣлью „всестороннее развитіе ума и сердца" — это достигалось путемъ литературныхъ упражненій и обсужденія послѣднихъ „какъ письменно, такъ и устно, преимущественно съ эстетической точки зрѣнія", затѣмъ въ совмѣстномъ чтеніи и разборѣ образцовыхъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ; отъ каждаго члена обязательно требовалось дѣятельное участіе въ литературныхъ интересахъ кружка сочиненіемъ собственныхъ произведеній и посѣщеніемъ собраній; въ новые члены принимались только лица по единодушному доказательству способности и любви кандидата къ литературнымъ занятіямъ; Общество собиралось каждую недѣлю у одного изъ своихъ сочленовъ, засѣданія происходили подъ руководствомъ особаго выборнаго предсѣдателя. Литературныя произведенія членовъ Общества выражались преимущественно въ поэтическомъ творчествѣ. „Характеръ поэтическихъ опытовъ этихъ молодыхъ людей", по словамъ проф. Пѣтухова, „отмѣченъ былъ модной тогда въ нѣмецкой литературѣ сентиментальностью"; любимой поэтической формой были баллады. Второй кружокъ возникъ въ 1814 г. и просуществовалъ годъ; въ составъ его (16 членовъ) входили медики и юристы, преимущественно уроженцы Курляндской губерніи, такимъ образомъ въ противоположность первому онъ былъ основанъ на принципѣ землячества. Изъ писанныхъ „статутовъ" кружка видно, что „эта новая организація не отличалась замкнутостью первой, и доступъ въ нее обусловленъ былъ лишь согласіемъ ²/₃ наличныхъ членовъ"; въ кружокъ могли вступать и не студенты; „вообще", замѣчаетъ проф. Пѣтуховъ, „въ немъ было менѣе официальности и принудительности и болѣе было свободы". Этотъ кружокъ, кромѣ литературы, занимался и философіей. Впослѣдствіи многіе изъ бывшихъ членовъ этихъ двухъ кружковъ пріобрѣли извѣстность въ мѣстной литературѣ.

Переходя къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ, о которыхъ у насъ шла рѣчь, мы встрѣчаемся съ кружками, основанными для научныхъ занятій студентовъ по юриспруденціи проф. римскаго права Отто въ 1837 году. Кружокъ просу-

ществовалъ до въ 1853 г., число его членовъ простиралось до 40 человѣкъ, занятія состояли въ чтеніи рефератовъ по научнымъ вопросамъ и въ преніяхъ, которыя велись между референтомъ и спеціальнымъ оппонентомъ, на обязанности котораго лежало изучить болѣе или менѣе детально затронутый въ рефератѣ вопросъ; нерѣдко вмѣшивались въ диспутъ и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ. Собранія кружка бывали почти еженедѣльно; кружокъ имѣлъ небольшую спеціальную библіотеку, составившуюся на взносы членовъ; о продуктивности его работы можно судить по тому, что большинство студентовъ, получившихъ медали за сочиненія на темы отъ юридическаго факультета, состояли членами кружка. Въ 40-хъ годахъ функціонировалъ, хотя и не такъ регулярно, какъ только что описанный и другой подобный кружокъ среди студентовъ-юристовъ, основанный проф. уголовнаго права фонъ-Мадаи (*Пет.*, стр. 522—25). Описанные студенческіе кружки въ Дерптскомъ университетѣ стояли въ самой тѣсной связи съ аналогичными частными научными кружками и обществами, возникавшими въ самой профессорской корпораціи и при университетѣ: вообще вся дѣятельность студентовъ близко соприкасалась съ дѣятельностью профессоровъ; научныя общества при университетѣ устраивали всевозможныя научныя экспедиціи, ближайшее участіе въ которыхъ принимали студенты; подъ редакціей профессора студенты выпускали сборники своихъ сочиненій—такъ, напримѣръ, въ 1843 г. на средства министерства народнаго просвѣщенія былъ изданъ сборникъ, составленный подъ руководствомъ проф. Розберга группой студентовъ-филологовъ, „Очеркъ всеобщей исторіи древняго міра“; въ 1849 г. вышелъ подъ редакціей проф. Озенбрюггена сборникъ статей студентовъ юридическаго факультета „Dorpater juristische Studien“.

Итакъ, описанныя студенческія организаціи въ Дерптскомъ университетѣ послужили прототипомъ для возникшихъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ подобныхъ организацій въ другихъ русскихъ университетахъ и, между прочимъ, въ Петербургскомъ. Около студента Дерптскаго университета Н. Прейса, исключеннаго оттуда за какую-то уличную демонстрацію, сгруппировались студенты-нѣмцы и образовали корпорацію Baltica, основатель русской корпораціи (Ruthenia) былъ поэтъ Н. М. Языковъ, бывшій студентъ Дерптскаго университета и осно-

ватель тамъ корпораціи „Рутенія“. Мѣстомъ собранія и бесѣдъ корпорантовъ служила шинельная, бывшая въ то же время курильной и мѣстомъ для завтраковъ. Главная задача корпорацій состояла въ томъ, чтобы развить „духъ товарищества и солидарности“ между студентами, но въ то же время онѣ преслѣдовали и цѣли саморазвитія, выдвигая, впрочемъ, не столько научную сторону, сколько общественную—университетъ призванъ не только двигать науку, но и воспитывать будущихъ *граждань*. Собирались корпоранты и на частныхъ квартирахъ: и какъ въ шинельной, такъ и въ своихъ частныхъ бесѣдахъ молодые люди разрѣшали „явленія жизни“, т.-е. волнующіе ихъ общественные вопросы. О значеніи этихъ организацій въ умственной жизни учащейся молодежи намъ говорятъ воспоминанія современниковъ, участвовавшихъ въ бесѣдахъ и собраніяхъ. Въ то время, какъ съ профессорской каѳедры, „вмѣсто истины науки“, студентамъ подносился безсвязный „наборъ словъ и фразъ“, въ то время, какъ, „вмѣсто живого преподаванія“, студенты слышали „мертвое чтеніе изъ года въ годъ повторяющихся записокъ“ (надо имѣть въ виду, что Петербургскій университетъ сравнительно долго не могъ оправиться отъ катастрофы, постигшей его при Руничѣ)—въ это самое время на своихъ собраніяхъ въ шинельныхъ студенты встрѣчали нѣчто другое: „Здѣсь многіе изъ насъ — пишетъ авторъ цитируемыхъ воспоминаній („*Истор. Вѣст.*“, стр. 711 — 720), — помимо мертвыхъ профессорскихъ лекцій получили первые толчки къ умственному движенію; здѣсь юноши-студенты, только что оставившіе гимназическую скамейку, узнавали о литературныхъ и другихъ живыхъ новостяхъ“. Это были товарищескія бесѣды, нерѣдко тянувшіяся за полночь, „бесѣды живыя, душевныя“, въ которыхъ только чувствовалось равенство и молодость, „презрѣніе ко всему низкому“ и „глубокое уваженіе ко всему честному и высокому“. Корпоративное устройство на товарищескихъ началахъ не только давало толчки умственному развитію, но способствовало и нравственному совершенству: veritas — истина, вотъ что было руководящимъ принципомъ въ корпораціяхъ съ ихъ правилами, основанными „на идеяхъ добра и чести“. Существованіе петербургскихъ корпорацій было кратковременно, такъ какъ здѣсь онѣ встрѣчали со стороны учебнаго начальства совсѣмъ иное отношеніе, чѣмъ въ

Дерптскомъ университетѣ. Вспомнимъ, что тамъ онѣ встрѣчали до извѣстной степени даже покровительство и во всякомъ случаѣ существовали открыто, онѣ возникали при участіи и руководствѣ профессоровъ—и знаменитый Пироговъ нерѣдко предсѣдательствовалъ въ Дерптѣ на собраніи корпорантовъ „съ эспадрономъ въ рукахъ"; въ другихъ русскихъ университетахъ такое тѣсное сближеніе студентовъ съ профессорами почти было невозможно...

Надо ли говорить, что корпоранты имѣли огромное вліяніе на весь строй студенческой жизни: напримѣръ, не вошедшіе въ составъ организаціи пытались въ свою очередь достичь извѣстнаго объединенія, хотя бы устройствомъ кассъ взаимопомощи. Корпораціи существовали не въ одномъ только Петербургскомъ университетѣ—такъ, нѣсколько ранѣе, въ концѣ 20-хъ годовъ, была попытка организовать ихъ и при Московскомъ университетѣ, опять подъ непосредственнымъ вліяніемъ дерптскихъ студентовъ, исключенныхъ массою изъ тамошняго университета по поводу какой-то исторіи.

Если въ тридцатыхъ и первой половинѣ сороковыхъ годовъ атмосфера для развитія студенческой жизни, чувства самосознанія, общественности и самодѣятельности, въ студенческой средѣ и не была благопріятна, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе сносна. Этому способствовало прежде всего нѣкоторое „недоразумѣніе", которое существовало между правительственными сферами и общественнымъ мнѣніемъ. Въ сороковыхъ годахъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, обозрѣвая дѣятельность университетовъ, провозглашалъ наступленіе „новой эры" въ ихъ дѣятельности и торжество объявленной имъ программы „официальной народности". Имѣя въ виду профессоровъ въ родѣ Погодина и Шевырева, пытавшихся обосновать теорію „официальной народности" аргументами нѣмецкой философіи, онъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и гордости приходитъ къ сознанію, что его былыя мечты о истинно *русскихъ* профессорахъ-націоналистахъ реализировались: „въ теченіе десятилѣтія—заявляетъ Уваровъ — ни одинъ изъ сихъ молодыхъ преподавателей не далъ правительству ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію и недовѣрію" (*Малюк.* Эн. Сл., с. 791). Но расцвѣтъ, котораго достиг-

ли университеты за этотъ періодъ господства программы „офиціальной народности“ очень скоро разсѣялъ существовавшее „недоразумѣніе“.

Западно-европейскія событія 1848 г., вызванныя демократическими стремленіями къ государственному національному объединенію, возбудили опасенія, что программа „офиціальной народности“ не будетъ служить гарантіей отъ вторженія въ Россію вредныхъ политическихъ идей Европы— открывается гоненіе на славянофильство.

По отношенію къ преподаванію университетской науки и ко всему университетскому строю предпринимается цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ—высшее образованіе признается почти ненужною роскошью. Университетская автономія, данная уставомъ 1835 года, при замѣнивніемъ Уварова министрѣ кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ почти уничтожается: по Положенію 1849 года должность ректора замѣщается по назначенію и притомъ не изъ состава профессоровъ; на эту должность попадаютъ преимущественно лица изъ военнаго званія: гусарскій полковникъ, бывшій полицеймейстеръ, отставной капитанъ-лейтенантъ и т. д.; профессора и деканы также назначаются и увольняются по усмотрѣнію министерства. Съ цѣлью оградить русскіе университеты отъ чужеземнаго, западно-европейскаго вліянія воспрещено было приглашать на вакантныя каѳедры иностранныхъ ученыхъ; съ той же цѣлью воспрещается и поѣздка за границу для занятій наукой, а для подготовки профессоровъ учреждается институтъ доцентовъ.

Изданныя въ началѣ 1850 г. инструкціи для всѣхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній устанавливаютъ строжайшій контроль за университетскимъ преподаваніемъ: преподаватели передъ началомъ годичнаго курса должны были представлять начальству подробный конспектъ и программу своихъ лекцій, объяснить объемъ, послѣдовательность и способъ изложенія, указать сочиненія, которыми будутъ пользоваться—все это разсматривалось совѣтомъ, при чемъ деканы должны были слѣдить, чтобы въ содержаніи программы не укрылось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ обра-

зомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій“ и наблюдать, посѣщая лекціи профессоровъ, заочнымъ выполненіемъ утвержденной программы, доводя до свѣдѣнія ректора о „*малѣйшемъ* отступленіи, хотя бы то было и безвредное“ т.-е. было установлено именно то, что такъ возмутило и противъ чего такъ протестовалъ когда-то профессоръ Дерптскаго университета Бурдахъ: профессора не должны были примѣшивать къ своимъ лекціямъ „разсужденій, не имѣющихъ непосредственно отношенія къ составу ихъ, а потому безполезныхъ для студентовъ“: ректоръ въ свою очередь обязанъ былъ ежедневно посѣщать лекціи профессоровъ; онъ отвѣчалъ за предосудительное чтеніе лекцій и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ долженъ былъ доносить черезъ попечителя въ министерство съ цѣлью провѣрить профессора, онъ могъ во всякое время потребовать отъ лектора его рукописный курсъ. Инструкція 1854 г. не только требуетъ, чтобы профессорскія лекціи „ясно и положительно выражали всегда благоговѣніе къ святымъ, преданность государю и любовь къ отечеству“, но чтобы даже и „ученыя диссертаціи были бы благонамѣреннаго содержанія“—чтобы въ нихъ не было началъ „противныхъ нашему государственному устройству“ (*Рождеств.*, стр. 253—266).

Нѣкоторыя науки признаются вредными и изгоняются изъ университетскаго преподаванія. Такому остракизму подвергается прежде всего въ 1849 году государственное право зап.-европейскихъ державъ, „потрясенныхъ внутренними крамолами и бунтами въ самыхъ основаніяхъ своихъ“; признается неблагонадежной и философія „при современномъ предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными“: въ 1850 г. Высочайше повелѣвается для огражденія учащагося юношества „отъ обольстительныхъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ“ упразднить „по неотвердости началъ и неудовлетворительности выводовъ“ преподаваніе философіи свѣтскими профессорами; въ программахъ философіи были сохранены лишь курсы логики и психологіи, чтеніе которыхъ было поручено профессорамъ богословія, при чемъ послѣдніе обязаны были составлять свои программы преподаванія философіи «по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ»...

Не только преподаваніе философіи, но и политической экономіи, исторіи, даже географіи, заподозрѣнныхъ въ рас-

пространеніи пагубныхъ западно-европейскихъ идей и опасныхъ нововведеній, было урѣзано и шло въ извѣстномъ направленіи: профессоръ русской исторіи не смѣлъ въ лекціяхъ упоминать о вѣчахъ и ересяхъ XV вѣка, юристъ не могъ говорить объ англійскихъ парламентскихъ учрежденіяхъ, а профессора всеобщей исторіи даже о паденіи язычества и водвореніи христіанства—вмѣсто этого они должны были произносить обличительныя слова противъ реформаціи и революціи и т. д.

Какъ же шло при такихъ условіяхъ преподаваніе „свободной науки"? „Мертвенность и застой" установились въ университетахъ, — отвѣчаютъ на этотъ вопросъ позднѣйшіе офиціальные отчеты. Классицизмъ подвергается гоненію на томъ основаніи, что изучающіе классическій міръ „увлекаются" его республиканскими учрежденіями (*Милюк.*, Оч., стр. 325): „всю греческую и римскую исторію до временъ Августа, написанную язычниками и республиканскими писателями и оказывающую „вредное вліяніе на юные умы" опускали, все же остальное въ исторіи разсказывали въ *русскомъ* духѣ и съ *русской* точки зрѣнія; вмѣсто классицизма, усиливается преподаваніе естественныхъ наукъ. (Уничтожая латинскій языкъ, Ширинскій-Шихматовъ пытался однако ввести въ гимназіяхъ греческій языкъ „для основательнаго изученія твореній Святыхъ Отцовъ восточной церкви").

Профессора естественныхъ наукъ, какъ видно изъ донесенія директора Демидовскаго лицея Конинина въ 1851 г. (*Голост.*, стр. 119—122), уклоняясь „отъ натуръ-философскихъ идей", представляли съ „краснорѣчивымъ убѣжденіемъ"... „созданный Богомъ міръ, какъ необъятное нескудѣющее хранилище всякаго рода естественныхъ богатствъ, собираемыхъ природою таинственными путями, по опредѣленнымъ отъ Всевышняго законамъ"... „Бдительный надзоръ за лекціями, чтеніе сихъ послѣднихъ и отвѣты студентовъ при испытаніяхъ вполнѣ убѣдили" Конинина, что для студентовъ „ясно и положительно была выражена истина, что въ наукахъ естественныхъ разгадка непостижимаго умомъ скрывается въ небѣ и лишь объясняется священными вѣрованіями христіанина, что земное благоденствіе есть даръ Божій, а не созданіе усилій человѣческихъ и что благосостояніе нашего могущаго отечества можетъ только блюсти самодержавіе, этотъ

земной образъ Божій"... „Въ наукахъ административныхъ", пишетъ Коншинъ, „я внушалъ преподавателямъ, чтобы они особливое вниманіе слушателей обращали на то, какими мѣрами въ нашемъ отечествѣ поддерживается и зиждется безопасность извнѣ, благоденствіе и народное богатство внутри и какъ заботливое око государево, всеобъемлющее, всепроникающее и оживляющее, хочетъ всюду проникнуть, во всякой нуждѣ подать благовременную помощь"... Министръ народнаго просвѣщенія въ 1852 г. докладываетъ, что „прекращеніе провозглашенія съ университетскихъ каѳедръ мечтательныхъ теорій, подъ именемъ философіи, съ порученіемъ чтенія логики и психологіи профессорамъ богословія сроднило эти науки съ истиннымъ откровеніемъ" (*Щегл.* стр. 131).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ стѣсняется не только *преподаваніе* въ университетахъ, но и самыя занятія профессоровъ наукой: оффиціальнымъ путемъ регламентируются научныя воззрѣнія, которыхъ профессора должны держаться въ своихъ изслѣдованіяхъ (напримѣръ, въ 1852 г. опредѣляется, какого мнѣнія должны ученые держаться въ изученіи вопроса о годѣ призванія Рюрика): серьезныя научныя сочиненія – пагубные плоды западнаго просвѣщенія, не разрѣшаются къ печатанію или измѣняются и передѣлываются согласно тѣмъ тенденціямъ и понятіямъ, которыхъ велѣно придерживаться въ ученомъ мірѣ: такъ была забракована въ 1846 г. вслѣдствіе протеста митрополита Иннокентія диссертація Костомарова „О причинахъ и характерѣ уніи въ западной Россіи", диссертація Грановскаго „Аббатъ Сугерій" влечетъ за собой въ 1847 г. объясненіе автора съ митрополитомъ Филаретомъ, диссертація Ешевскаго „Аполлинарій Сидоній" выходитъ послѣ просмотра ея профессорами богословія съ измѣненіями, появленіе въ свѣтъ сочиненій Устрялова о Петрѣ Великомъ задерживается на цѣлыхъ десять лѣтъ (1847—58 гг.), факультетской цензурой не пропускается диссертація Чичерина и т. д. и т. д. Ученыя общества теряютъ право выпускать свои изданія безъ цензуры, а это оказывается равносильнымъ полному прекращенію ихъ изданій: распоряженія о недопущеніи къ печатанію „разборовъ существующаго законодательства", объ учрежденіи особо тщательной цензуры статей по отечественной исторіи (кромѣ общей цензуры, еще II отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи) „для предотвращенія въ

нихъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ, общественныхъ и политическихъ", особенно въ статьяхъ, касающихся „смутныхъ явленій нашей исторіи",—влекли за собой закрытіе въ 1848 г. „Чтеній" Московскаго Общества Исторіи за переводъ сочиненія Флетчера о Россіи XVI в., прекращеніе въ 1854 г. этнографическаго сборника Географическаго Общества, гдѣ печатались народныя преданія и пр. (*Икон*. XI. стр. 95—101).

Оставляя теперь въ сторонѣ профессоровъ, перейдемъ къ студентамъ, по отношенію къ которымъ были примѣнены еще болѣе репрессивныя мѣры. Та роль, которую сыграла университетская молодежь въ революціонныхъ и національныхъ европейскихъ движеніяхъ 1848 года, вызвала опасенія и со стороны русскаго правительства за политическую благонадежность нашей молодежи, обучающейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ цѣляхъ исключительно государственныхъ усиливается надзоръ за студентами и предпринимается цѣлый рядъ мѣръ къ охранѣ „порядка".

Мы уже видѣли, какой характеръ приняло преподаваніе университетской науки: университетское начальство не останавливается „надъ измышленіемъ мѣръ къ усиленію научныхъ работъ студентовъ внѣ лекцій", а, наоборотъ, стремится отвлечь ихъ отъ умственной дѣятельности, „отъ неумѣстныхъ разсужденій въ политическихъ общественныхъ вопросахъ"; инструкціи этого времени считаютъ вполнѣ достаточнымъ для умственнаго развитія учащейся молодежи „неопустительное посѣщеніе лекцій и репетицій", почему инспекція, соблюдая лишь формальныя требованія, ограничивалась „перекличками студентовъ и сажаніемъ въ карцеръ отсутствовавшихъ".

Но во всякомъ случаѣ въ пятидесятыхъ годахъ невозможно было существованіе какихъ-либо студенческихъ обществъ, оффиціально утвержденныхъ или по крайней мѣрѣ негласно признаваемыхъ, невозможно было уже потому, что въ это время считалась „зломъ превыше всѣхъ прочихъ" только возможность появленія у студентовъ одной мысли, что они составляютъ „отдѣльное сословіе, имѣющее свои права"—въ продолженіе всего университетскаго ученія студенты „in corpore не должны быть допускаемы ни къ какому общему изъявленію общей мысли" (*Щегл.*, стр. 130).

Частные студенческіе кружки, конечно, существовали и въ пятидесятые годы: такъ былъ организовалъ въ 1850 г. кружокъ проф. Валицкимъ—здѣсь участники его, по словамъ П. И. Вейнберга, почерпнули силы для всей послѣдующей общественной дѣятельности.

Счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи по сравненіи съ другими русскими университетами представляли опять „Афины на Эмбахѣ" т. е. Дерптскій университетъ. Это исключительное положеніе въ свою очередь надо объяснять не одними мѣстными особенности внутренняго строя университетской жизни, сложившейся по чужеземному образцу, и всего общественнаго склада еще полунѣмецкой провинціи, а также тѣми благопріятными отзывами, которые министры народнаго просвѣщенія давали одинъ за другимъ о положеніи Дерптскаго университета. Въ 1848 г. гр. Уваровъ оффиціально докладывалъ, что „духъ университетскаго юношества соотвѣтствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданіямъ правительства", что „тишина и благочиніе" господствуютъ въ Дерптѣ, что „изгладились всѣ слѣды прежней буйной жизни студентовъ—этотъ печальный и безсмысленный осколокъ германскихъ преданій". Слѣдующій министръ Норовъ въ 1855 г. также заявлялъ, что юношество въ Дерптѣ чуждо политическихъ стремленій и „нынѣ отличается добропорядочнымъ поведеніемъ и скромнымъ образомъ мыслей"—«студенты суть добродушные, благородные люди, послушные властямъ, любящіе науку»... «Подробно вникнувъ въ корпораціи или съ одобренія и подъ наблюденіемъ ректора составляемыя *Общества для упражненій въ наукахъ*, дозволенныхъ развлеченіяхъ и пр.», министръ находилъ ихъ непредосудительными и составляющими какъ бы неотъемлемую принадлежность мѣстнаго студенческаго быта (*Рус. Вѣд.* 1902 г., № 346). Въ виду такихъ неоднократно даваемыхъ благопріятныхъ отзывовъ министерствомъ и по настоянію попечителя округа фонъ-Брадке, считавшаго „нежелательнымъ скрытое существованіе корпорацій въ видахъ государственныхъ и административныхъ" это пріучало, по его словамъ, студентовъ „къ дѣйствіямъ, скрываемымъ отъ правительства", 13 апрѣля 1855 года (т. е. уже при императорѣ Александрѣ II) корпораціи получили оффиціальную санкцію: на донесеніи министра Александръ II написалъ: „корпораціи допустить попрежнему, но и начальству строго слѣдить за ихъ дѣйствіями"; министерство однако не сочло воз

можнымъ придать корпораціямъ характеръ утвержденныхъ организацій — „эти общества попрежнему должны считаться только терпимыми, какъ частныя связи по товариществу, а не утвержденными обществами“.

Тѣмъ не менѣе для корпорацій были изданы особыя правила, на основаніи которыхъ корпораціи въ Деритскомъ университетѣ существуютъ и понынѣ (*Пет.*, стр. 586—88).

Въ пятидесятыхъ годахъ корпорація въ Деритскомъ университетѣ является господствующимъ типомъ студенческихъ организацій: кромѣ ранѣе перечисленныхъ, въ это время возникаетъ еще цѣлый рядъ новыхъ корпорацій— Fraternitas Academia Dorpatensis, Arminia и др. На ряду съ корпораціями при университетѣ существуютъ и просто студенческія общества—ферейны, разрѣшенные еще временными „правилами для учащихся“ 1834 и 1838 г., напримѣръ Gemeinschaft der studidierender russischer Nationalität. Общества эти существовали обыкновенно весьма короткое время и насчитывали небольное количество членовъ. (*Пет.*, стр. 596). Продолжаетъ отправлять свои функціи и „Академическая Мусса“, бывшая, какъ мы уже знаемъ, своего рода университетскимъ клубомъ, гдѣ сходились для совмѣстнаго препровожденія времени профессора, студенты и представители образованнаго класса городского общества. Въ сороковыхъ годахъ Общество переживало критическое время вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, должно было даже прекратить на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ свое существованіе (возобновило свою дѣятельность въ 1856 г.): временный перерывъ дѣятельности Общества былъ вызванъ рядомъ недоразумѣній между членами изъ „публики“, т. е. изъ лицъ, не принадлежавшихъ по своему общественному положенію къ университету, и студентами: публика протестовала противъ участія въ выборахъ студентовъ, которые, благодаря своему численному перевѣсу, оказывали рѣшающее вліяніе на исходъ избранія: въ связи съ этимъ поднимался вопросъ о „несообразности участія студентовъ въ выборахъ въ члены Муссы профессоровъ“—однако студенты въ общемъ „удержали за собою прежнія свои права, предоставленныя имъ уставомъ Академической Муссы“ (Ibid., стр. 571—73).

Въ связи съ Академической Муссой стояли и возникшіе въ пятидесятыхъ годахъ музыкальные кружки: „Универ-

ситетское Пѣвческое Общество" (Academischer Gesangverein) „Музыкальное Общество" (Orchestverein): въ составъ Общества входили не только студенты, но и профессора, даже дамы, завѣдывавшія хозяйственною частью: засѣданія происходили въ актовомъ залѣ, между тѣмъ какъ „Академическая Мусса" имѣла собственное помѣщеніе... (Ibid., стр. 576).

О существованіи въ это время въ другихъ русскихъ университетахъ какихъ-либо аналогичныхъ студенческихъ обществъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Въ то время слишкомъ рьяному въ научныхъ занятіяхъ студенту нерѣдко случалось, по словамъ проф. Владимірскаго-Буданова (*Вл.-Буд.*, стр. 524), выслушивать такую рѣчь: „Что вы думаете: провѣрить всѣ науки, произвести великія открытія? Не трудитесь, безъ васъ все уже подѣлано! За это ни чиновъ, ни денегъ не дадутъ". Начальство, если не рекомендовало, то „чуть ли не громко заявляло, что оно сквозь пальцы будетъ смотрѣть на трату молодыхъ и свѣжихъ силъ въ разгулѣ и безнравственныхъ удовольствіяхъ" (*Вл.-Буд.*, стр. 520), и совѣтовало въ свободное время искать отдыха въ танцахъ, гимнастикѣ, фехтованіи и тому подобныхъ удовольствіяхъ, а не въ научныхъ работахъ и чтеніи!.. Главное вниманіе, согласно студенческимъ правиламъ 50-хъ годовъ, обращается на наружную выправку—инспекція смотрѣла, чтобы студенты были бы чисто и опрятно одѣты по формѣ (за то, что воротникъ не былъ застегнутъ на всѣ крючки, грозилъ карцеръ), отличались бы красивыми тѣлодвиженіями, граціозной походкой, хорошими манерами, чтобы посѣщали и умѣли бы себя вести въ порядочномъ обществѣ и т. д. Этотъ отечественно-воспитательный характеръ дѣятельности инспекціи сводился въ сущности къ господству военной дисциплины, о которой мы говорили выше, характеризуя то же направленіе въ тридцатыхъ годахъ: военные порядки съ ихъ „фрунтовой" службой „и экзерциціями", дѣленіемъ студентовъ на баталіоны, маршировкой и пр. стремились лишь къ тому, чтобы довести военную выправку учащейся молодежи до возможнаго совершенства.

На ряду съ этимъ самымъ усиленнымъ образомъ проводятся прежнія мѣры, направленныя къ ограниченію желающихъ получить высшее образованіе, которое считается роскошью.

Подъ видомъ заботъ о будущности „подлыхъ людей", которые, „выйдя изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды

для себя и государства, встанутъ не въ соотвѣтствіе съ своимъ общественнымъ положеніемъ“, и якобы заботъ, чтобы съ уменьшеніемъ числа студентовъ обучающіеся получали бы „лучшее образованіе“, въ пятидесятыхъ годахъ не ограничиваются уже одними циркулярами объ удержаніи „стремленія къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности“, которые, какъ мы видѣли, мало умѣряли стремленія юношей въ учебныя заведенія высшаго разряда, а прибѣгаютъ къ болѣе реальнымъ мѣрамъ: возвышается плата за ученіе, ограничивается комплектъ своекоштныхъ студентовъ въ университетахъ до 300, упраздняются „приватные слушатели“, вводятъ строгіе пріемные экзамены съ цѣлью „положить начало постепенному очищенію“ университетовъ отъ интеллигентнаго пролетаріата и поддерживаются сословныя ограниченія—дѣтямъ благородно го сословія, „потомкамъ древняго рыцарства“, усиленно рекомендуется искать „службы военной передъ службой гражданской“: „на сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ ряды войскъ, для чего университетское образованіе не есть необходимость“—говорится въ одномъ распоряжены 1850 г. (*Мил.* Оч. II, стр. 325).

Правительство, съ другой стороны, строго слѣдитъ, чтобы молодые люди, прошедшіе университетскій курсъ, не уклонялись бы отъ государственной службы и не вступали бы на „скользкое поприще“ литературной работы, подвергаясь вліянію „неблагонамѣренныхъ издателей періодическихъ сочиненій“.

Установившійся въ университетѣ порядокъ по всеобщему голосу современниковъ и позднѣйшихъ офиціальныхъ отчетовъ привелъ къ сильному упадку научной дѣятельности университетовъ и общаго уровня образованія массы тогдашняго студенчества. У большинства профессоровъ, по свидѣтельству историка Петербургскаго университета, не было „ни духа науки, ни ученаго достоинства“ (*Григор.*, стр. 68). Не могли, конечно, имѣть нравственнаго вліянія на студенческую среду такіе примѣры, когда профессоръ въ присутствіи сановника на лекціи порицалъ *существованіе* римской республики, выставляя потомъ слушателямъ такую лекцію, „какъ образчикъ великой житейской науки—умѣнія ходить въ лисьей шубѣ“. (*Вл.-Буд.*, стр. 521). Проф. Григорьевъ такъ характеризуетъ умственный уровень и знанія тогдашнихъ студентовъ: „Жиденькое знаніе профессорскихъ тетрадокъ или печатныхъ учебниковъ, испарявшееся со сдачею каждаго экзамена и оставля-

вшее въ головѣ только названіе пройденныхъ наукъ, смутное представленіе объ ихъ содержаніи и объемѣ, да случайно застрявшіе въ памяти факты и положенія: — вотъ все, что обыкновенно выносили тогда студенты изъ университетовъ" (стр. 184). Общій колоритъ тогдашней студенческой жизни носитъ характеръ пустоты и праздности. Студентъ былъ врагъ полиціи, уличныхъ фонарей и гуляка — такъ характеризуетъ студенческую жизнь къ концу сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годовъ Владимірскій-Будановъ и приводитъ цѣлый рядъ характерныхъ примѣровъ того, какъ студенты даже въ университетахъ оставались въ „примитивной безграмотности" (стр. 428). Что это было до извѣстной степени такъ и въ дѣйствительности, можно иллюстрировать на примѣрѣ студенческихъ пѣсенъ.

Возьмемъ современныя студенческія пѣсни. Доминирующимъ мотивомъ въ нихъ является тоска и чувство неудовлетворенности или бодрая увѣренность въ силахъ молодости и въ свѣтломъ будущемъ: „Не осенній мелкій дождичекъ брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ, слезы горькія льетъ молодецъ на свой бархатный кафтанъ... дни веселья, дни радости отлетѣли далеко... полно, братъ молодецъ, ты вѣдь не дѣвица, пей, тоска пройдетъ" — такъ поется въ одной извѣстной студенческой пѣснѣ. „Изъ страны, страны далекой — съ Волги матушки широкой — ради вольности веселой, ради славнаго труда собралися мы сюда. И въ странѣ, странѣ чужой мы пируемъ пиръ веселый, и за родину мы пьемъ... первый тостъ за нашъ народъ, за святой девизъ впередъ"... — поется въ другой столь же извѣстной пѣснѣ. „Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ, слезой не оскверняйте ихъ прахъ" — поется въ третьей (маршъ, исполняемый въ концертахъ студенческимъ хоромъ подъ управленіемъ Маныкина-Невструева). Вотъ какія пѣсни распѣвались студентами Кіевскаго университета въ пятидесятыхъ годахъ: „То съ бутылкой, то съ ланцетомъ, то съ рапирой, то съ перомъ, то съ улыбкой и привѣтомъ, то съ поднятымъ кулакомъ. Лейся жъ шумно и привольно, жизнь студенческая моя, и разгульно и раздольно, какъ Днѣпровская струя (*Влад.-Буд.*, стр. 621). Какая большая разница и въ настроеніи и въ идеалахъ! Конечно, не всѣ студенты подходятъ подъ такую общую характеристику: и въ это тяжелое время развивалась студенческая самодѣятельность, но она развивалась въ тиши и въ періодъ гоне-

нія университетовъ, люди пятидесятыхъ годовъ были, по словамъ проф. Григорьева, обязаны „болѣе себѣ самимъ".

Но какъ бы силенъ ни былъ регрессъ въ общемъ умственномъ развитіи въ періодъ реакціи, какъ бы ни падала просвѣтительная дѣятельность университетовъ въ періодъ гоненій, когда вся энергія и усилія уходили на борьбу съ задерживающими препятствіями, все же и тогда эти единственные хранители принциповъ свободной науки оставались вѣрными своимъ задачамъ: въ 1850 г. и профессорская корпорація Московскаго университета избрала все-таки Грановскаго—вмѣсто него министерствомъ былъ назначенъ Шевыревъ. Мы не должны упускать изъ вниманія, какое огромное общественное значеніе имѣли въ сороковыхъ и даже въ пятидесятыхъ годахъ публичныя лекціи такихъ московскихъ профессоровъ, какъ Грановскій и Соловьевъ; правда, съ 1848 г. публичныя лекціи разрѣшались уже рѣдко, но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ тѣ частные курсы, которые читали у себя на дому эти профессора кружкамъ молодежи; не должно забывать, наконецъ, о томъ, какое огромное нравственное вліяніе имѣли на своихъ питомцевъ эти обаятельныя личности—представители не только науки, но и лучшіе общественные работники на пользу родины, и какъ завѣщанные ими идеалы ученики проводили потомъ въ жизнь...

Съ воцареніемъ императора Александра II новыя вѣянія проникли въ русскую государственную и общественную жизнь: гуманно - освободительное движеніе шестидесятыхъ годовъ, получившее наименованіе „великой эпохи реформъ" и положившее основы жизни новой, молодой Россіи, ознаменовалось рѣдкимъ оживленіемъ русской мысли и подъемомъ общественнаго самосознанія; всеобщее оживленіе отозвалось и на дѣятельности университетовъ: окончилось гоненіе и всѣ стѣснительныя, такъ сказать, исключительныя мѣры, принятыя противъ университетовъ въ послѣдніе годы предшествующаго царствованія, одна за другой были отмѣнены: въ первые года царствованія, когда особенно интенсивно развивалась образовательная дѣятельность правительства и проводились въ жизнь коренныя реформы, ставшія краеугольнымъ камнемъ современнаго общественнаго строя, и когда сильное воздѣйствіе реакціонной партіи еще не успѣло ограничить развитіе прогрессивныхъ началъ, положенныхъ въ преобразовательную про-

грамму новаго царствованія, тогда измѣнился и весь ходъ учебной жизни въ государствѣ.

Въ основу новой учебной системы кладутся не „узкія утилитарныя цѣли и разнаго рода административные планы и политическія соображенія, а задача общаго широкаго и научнаго образованія“ — правительство стремится довести преподаваніе въ университетахъ до высоты европейской науки: увеличиваются научнообразовательныя средства университетовъ, и расширяется контингентъ получающихъ высшее образованіе: ограничительныя мѣры 1850 г. о пріемѣ въ университеты однихъ дворянъ смѣняются постановленіемъ 1855 г. о неограниченномъ доступѣ слушателей въ „храмы наукъ“.

Чрезвычайно характерно, что въ связи съ общественнымъ движеніемъ начала царствованія мы встрѣчаемся и съ пробужденіемъ студенческой жизни въ русскихъ университетахъ. Уже въ 1856 г. въ Петербургѣ возникаетъ кружокъ студентовъ, ставящій своею цѣлью объединеніе; этотъ кружокъ предпринимаетъ изданіе „Студентскаго сборника“, куда входятъ „оригинальныя сочиненія ученаго характера, подобнаго же рода переводы и мелкія историко-литературныя замѣтки“. Первый выпускъ сборника подъ главной редакціей адъюнкта М. И. Сухомлинова — впослѣдствіи извѣстнаго академика, вышелъ въ 1857 г., второй, черезъ три года и третій въ 1866 г. Имена авторовъ, принимавшихъ участіе въ составленіи сборника, принадлежатъ къ числу выдающихся русскихъ писателей и ученыхъ: Л. Н. Майковъ помѣщаетъ тамъ „Замѣтки о Грибоѣдовѣ“, Д. И. Писаревъ статью о „Вильгельмѣ Гумбольдтѣ“, А. С. Фаминцынъ: „Организмъ на границѣ животнаго и растительнаго царства“ и т. д. Сборникъ оказываетъ огромное вліяніе на пробужденіе умственныхъ интересовъ въ студенческой средѣ и вызываетъ появленіе цѣлаго ряда самостоятельныхъ печатныхъ работъ студентовъ, какъ, напримѣръ, въ 1859 г. извѣстной работы Н. Лазаревскаго и Я. Утина подъ заглавіемъ „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права“. Въ то же время этотъ кружокъ вліяетъ на объединеніе остальной студенческой массы — онъ влечетъ устройство кассы взаимопомощи бѣдныхъ студентовъ и въ связи съ послѣдней устройство всевозможныхъ концертовъ и публичныхъ лекцій (*Рудак.*, стр. 1153). Мы имѣемъ свѣдѣнія также о литературныхъ работахъ студентовъ Кіевскаго университета,

которыя составляютъ „Сборникъ сочиненій студентовъ" при издававшихся съ 1861 г. „Университетскихъ Извѣстіяхъ".

Студенческія волненія 1857—59 гг. и безпорядки 1861—62 гг., повлекшіе за собой даже закрытіе университетовъ, заставили ускорить проведеніе университетской реформы.

Вся прошлая жизнь нашихъ университетовъ дала хорошій примѣръ реформаторамъ—она наглядно показывала, къ какому упадку высшаго образованія приводили бюрократическія попытки стѣснить академическую свободу и какого развитія оно достигло при автономной дѣятельности университетовъ. Уставъ 1863 г., устроившій университеты по образцу западно-европейскихъ, даровалъ автономію профессорской корпораціи, и университеты сдѣлались такимъ образомъ самоуправляющимися учрежденіями. Новый уставъ ставилъ своею цѣлью усилить „самодѣятельность ученаго университетскаго сословія и вліяніе его на студентовъ", но, признавая необходимость сближенія профессоровъ со студентами, онъ тѣмъ не менѣе студенческой средѣ не далъ корпоративной организаціи. Разсматривая студентовъ, какъ „отдѣльныхъ посѣтителей университета", уставъ 1863 г. не допускалъ „никакого дѣйствія ихъ, носящаго на себѣ характеръ корпоративный"—онъ запрещалъ всякаго рода собранія, студенческія кассы, библіотеки, читальни и т. д. Такимъ образомъ оффиціально положеніе студенчества по сравненіи съ предыдущимъ временемъ мало измѣнилось, и это объясняется не только тѣмъ, что уставъ, въ своей окончательной формѣ, менѣе интересовался вопросами, относящимися къ студентамъ, чѣмъ вопросами объ устройствѣ профессорской корпораціи» и что «коренныя черты студенческаго быта менѣе поддавались уставной реформѣ», но главнымъ образомъ тѣмъ, что въ принципѣ было признано вреднымъ придавать формальный характеръ студенческимъ организаціямъ, такъ какъ въ упомянутыхъ выше студенческихъ волненіяхъ, подъ вліяніемъ всеобщаго общественнаго возбужденія, особенно сильно проявилось дѣйствіе корпоративныхъ началъ, и тогда еще, согласно „матрикуламъ", изданнымъ министерствомъ въ 1859 г., запрещено было даже начальству входить въ какіе-либо переговоры и объясненія съ депутатами отъ студентовъ.

Правда, при обсужденіи многочисленныхъ проектовъ новаго университетскаго устава, много говорилось объ отношеніи университета къ студентамъ и въ связи съ этимъ

раздавались голоса сторонниковъ университетской автономіи за то, чтобы и студентамъ дать возможность „группироваться въ товарищества и кружки подъ наблюденіемъ и за отвѣтственностью университетскаго начальства“, но тѣмъ не менѣе даже знаменитый Пироговъ, считавшій „развитіе науки“ главнѣйшей цѣлью университета, а „свободу научныхъ занятій и сношеній профессоровъ и студентовъ единственнымъ средствомъ“ для достиженія этой цѣли, и полагавшій въ то же время, что студенческія волненія являются „неизбѣжнымъ результатомъ даннаго состоянія общественной жизни“, такъ какъ университетъ „есть лучшій барометръ общества“, не признавалъ возможнымъ предоставить существующимъ корпоративнымъ организаціямъ среди студенчества „легальное существованіе“, хотя, по его мнѣнію, эти организаціи и были вполнѣ естественны и необходимы... Итакъ, уставъ 1863 г. не далъ студентамъ корпоративной организаціи, но съ этихъ поръ вопросъ объ устройствѣ студенческаго быта былъ поставленъ на очередь.

Министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ, смѣнившій гр. Толстого, который въ своихъ законопроектахъ относительно университетской реформы проводилъ бюрократическія тенденціи, рѣшилъ, „съ цѣлью успокоить молодежь“, вести „діаметрально противоположную политику и дать дальнѣйшее развитіе университетскаго устава 1863 года по отношенію къ организаціи студенчества“ (*Милюк.* Эн. Сл., стр. 792—95, и «Очерки» II, стр. 330). Въ московскомъ университетѣ выборные по курсамъ представители студенчества выработали проектъ будущаго корпоративнаго устройства, и новыя студенческія учрежденія начали даже свою дѣятельность: общестуденческая организація, получившая офиціальное разрѣшеніе, заключалась въ устройствѣ курсовыхъ, факультетскихъ и общеуниверситетскихъ собраній, въ учрежденіи факультетскихъ и общестуденческихъ кассъ взаимопомощи и библіотекъ; на ряду съ этими организаціями въ описываемое время не преслѣдовались и землячества, хотя офиціальнаго разрѣшенія они никогда не получали; при Московскомъ университетѣ ихъ появляется, по словамъ гр. Капниста (*Вѣст. Евр.* 1903 г. XI, стр. 195—6), нѣсколько десятковъ съ весьма значительнымъ числомъ студентовъ; дѣятельность землячествъ объединялась „Союзнымъ совѣтомъ землячествъ“,

или „исполнительнымъ центральнымъ комитетомъ“ изъ делегатовъ (Ibid. стр. 203).

Въ это время мы встрѣчаемся и съ попытками организовать студенческія научныя общества,—съ попытками, впрочемъ, не всегда принимавшими реальную форму.

О такой неудачной попыткѣ мы узнаемъ, между прочимъ, изъ исторіи Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ. Въ 1871 г. ректоръ лицея М. Н. Капустинъ обратился къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстому съ просьбой разрѣшить „еженедѣльныя собранія профессоровъ со студентами въ читальнѣ лицея для серьезнаго чтенія и научныхъ бесѣдъ“; по мнѣнію Капустина, устройство такихъ бесѣдъ должно было служить „отвлекающимъ средствомъ отъ празднаго и пошлаго времяпровожденія“; ходатайствуя объ открытіи еженедѣльныхъ бесѣдъ, Капустинъ давалъ обѣщаніе „избѣгать всего, имѣющаго корпоративный характеръ“, напримѣръ, общей складчины профессоровъ и студентовъ на чай и т. д. Министръ согласился на предложенія Капустина, но при условіи, „чтобы на этихъ собраніяхъ не было постороннихъ лицъ и директоръ взялъ бы на себя отвѣтственность за тактику и спокойствіе на собраніяхъ“. Въ виду такихъ ограниченій Капустинъ, считая, что „всякое предварительное регулированіе предполагаемыхъ бесѣдъ неизбѣжно ослабитъ добрую волю и энергію педагогической корпораціи лицея“, отказался отъ мысли устраивать студенческія научныя бесѣды. (*Щег.*, с. 233—34).

Нѣсколько позже, когда въ министерствѣ, какъ мы упоминали, былъ снова поднятъ вопросъ объ учрежденіи студенческихъ обществъ въ связи съ введеніемъ корпоративнаго устройства студенческаго быта, возникаетъ научно-литературное студенческое общество при Петербургскомъ университетѣ. Это общество, учрежденное въ 1882 г. при ректорѣ И. Е. Андреевскомъ, и было то знаменитое общество, которое такъ хорошо у насъ извѣстно подъ именемъ „Общество проф. Ореста Миллера“. Уставъ его, отпечатанный съ разрѣшенія университетскаго совѣта, гласилъ: „Научно-литературное Общество состоитъ въ вѣдѣніи университетскаго начальства и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа. Ректоръ университета есть *непремѣнный* членъ Общества и въ отсутствіи попечителя или по соглашенію съ нимъ имѣетъ право принять

на себя председательство въ томъ или другомъ засѣданіи. Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ, устраивая научные рефераты и литературныя чтенія, предпринимая переводы иностранныхъ научныхъ сочиненій и изданія въ видѣ сборниковъ или отдѣльныхъ брошюръ лучшихъ студенческихъ диссертацій и научно-литературныхъ статей, пріискивая научно-литературныя занятія студентамъ, принимающимъ участіе въ дѣятельности общества, и выписывая научные и литературные журналы и наиболѣе необходимыя для университетскихъ занятій сочиненія для пользованія своихъ членовъ". Общество просуществовало до 1887 года.

О дѣятельности его мы имѣемъ очень краткія свѣдѣнія, сообщенныя въ печати однимъ изъ бывшихъ его членовъ, принимавшихъ близкое участіе въ работахъ общества,—г. Сыромятниковымъ (Сигма).

Изъ этого сообщенія мы узнаемъ, между прочимъ, и заглавія нѣкоторыхъ рефератовъ, прочитанныхъ въ засѣданіи общества: такъ Ф. А. Браунъ читалъ о Беовульфѣ, А. М. Ону—о школѣ въ Константинополѣ, Е. В. Петуховъ—о народныхъ пересказахъ Тараса Бульбы, Н. Д. Чечулинъ—о московскомъ университетѣ и собраніи воспитанниковъ благороднаго пансіона въ XVIII вѣкѣ за первое пятилѣтіе его существованія, Муромцевъ—о студенческихъ кружкахъ въ Вѣнѣ, Сыромятниковъ—по поводу 500-лѣтн. юбилея Гейдельбергскаго университета и др... (*Руд.*, с. 1154).

Послѣ этого Общества ни о какихъ другихъ студенческихъ научныхъ легальныхъ организаціяхъ уже не слышно до самаго послѣдняго времени.

Направленіе, которое приняла наша государственная жизнь, разрѣшило совершенно въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ объ устройствѣ студенческаго быта на корпоративныхъ началахъ и положило конецъ всѣмъ подготовительнымъ мѣрамъ, принятымъ въ этомъ направленіи. Бюрократическій университетскій уставъ 1884 г., изданный при условіяхъ, соотвѣтствующихъ болѣе духу времени конца сороковыхъ годовъ, направленъ былъ къ ограниченію университетской автономіи и стѣснилъ даже „самоуправляющую профессорскую корпорацію"—эта центральная идея предшествующаго устава была почти упразднена.

По отношенію къ студенческой средѣ уставъ 1884 г., усиливній полицейскій надзоръ за студентами, безусловно

запретилъ устройство въ зданіяхъ университетовъ студенческихъ читаленъ, какихъ-либо публичныхъ собраній, чтеній и т. д., подвергалось особому запрещенію участіе въ какихъ-бы то ни было тайныхъ обществахъ и кружкахъ.

Но студенческая жизнь не уложилась въ предназначенныя ей уставомъ рамки: восьмидесятые годы и послѣдующее время являются періодомъ господства негласныхъ формъ студенческихъ организацій—землячествъ съ ихъ библіотеками, кассами, бесѣдами и т. д.; это было время образованія никому неизвѣстныхъ кружковъ самообразованія. Всѣ эти студенческіе союзы, создавшіеся для удовлетворенія столь существенной потребности студенческой среды въ корпоративной жизни, выработали себѣ опредѣленныя традиціи, которыя передавались отъ одного университетскаго поколѣнія къ другому, тѣмъ самымъ поддерживая въ студенчествѣ корпоративный духъ и способствуя развитію существующихъ корпоративныхъ учрежденій.

Такъ было во всѣхъ университетахъ, за исключеніемъ Дерптскаго, который до начала 90-хъ годовъ сохранилъ еще свое исключительное положеніе, хотя по законоположеніямъ былъ уже приближенъ къ типу другихъ русскихъ университетовъ. Въ Дерптскомъ университетѣ и при введеніи устава 1884 г. начальство, относясь съ довѣріемъ къ юношеству, разрѣшало (помимо корпорацій) устройство различныхъ обществъ, какъ научныхъ, такъ и взаимопомощи. Уставы этихъ обществъ предоставляли студентамъ „полный просторъ самодѣятельности", а съ внѣшней стороны они не были „стѣснены никакими мелочными придирками"; контроль университетскаго начальства ограничивался требованіемъ полугодового отчета о состояніи кассъ и библіотекъ обществъ, о личномъ ихъ составѣ, о темахъ, на которыя читались рефераты, и т. д. (*Рус. Вѣд.* 1902 г., № 346).

Въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ почти на всѣхъ факультетахъ устраиваются студенческіе кружки, преслѣдующіе главнымъ образомъ научныя цѣли и руководимые кѣмъ-либо изъ профессоровъ. Объ одномъ изъ кружковъ мы имѣемъ и печатныя свѣдѣнія.

Въ началѣ 1890 года по иниціативѣ студентовъ Бунна, фонъ-Гернета и Рорбаха, при ближайшемъ участіи профессоровъ Гаусмана и Бринкера, возникъ „историческій кружокъ", уставъ котораго былъ официально утвержденъ. Этотъ кружокъ—Historischer Verein—сталъ очень зада-

чею „объединеніе дерптскихъ студентовъ на почвѣ серьезнаго научнаго общенія, преслѣдуя общее образованіе, въ то же время отнюдь не исключая ни одного изъ развѣтвленій исторической науки“. Занятія кружка состояли въ чтеніи рефератовъ, въ совмѣстномъ ознакомленіи съ историческими первоисточниками и въ бесѣдахъ.

Рефераты, согласно уставу, должны были слѣдить за всѣмъ выдающимся въ современной исторической литературѣ, за дѣятельностью научныхъ обществъ и во всякомъ случаѣ „обязаны“ знакомить съ ходомъ работъ „Общества древне-германской исторіи“, Мюнхенской комиссіи и „Рижскаго Общества исторіи и древностей“ (такой пунктъ, конечно, объясняется мѣстнымъ интересомъ нѣмецкой части дерптскаго студенчества). Для успѣшнаго достиженія намѣченныхъ цѣлей кружокъ выбиралъ изъ *своей* среды „научную комиссію“. Доклады читались съ одобренія всего кружка, вопросъ о принятіи реферата рѣшался простымъ большинствомъ голосовъ; членами кружка могли состоять студенты всѣхъ факультетовъ; изъ *своей* среды члены избирали председателя, который являлся офиціальнымъ представителемъ кружка и руководителемъ преній на собраніяхъ; вице-председатель велъ протоколы засѣданій, завѣдывалъ кассою и библіотекой; первымъ председателемъ былъ, между прочимъ, *студентъ* фонъ-Гернетъ. Засѣданія кружка происходили каждыя двѣ недѣли, и присутствовать на нихъ могли даже посторонніе гости.

Членовъ историческаго кружка было сравнительно немного—всего 24 человѣка, а работа, повидимому, шла успѣшно. За два года существованія кружка было прочитано 24 реферата на темы: развитіе папства, мемуары г-жи Роланъ, взглядъ Питише на развитіе Германіи, С. М. Соловьевъ, три утопическихъ государства: Платона, Томаса Мора и Кампанеллы, отрывки изъ хроники Титмара и др... (*Историч. Обозр.* т. IV. Хроника, стр. 364—66).

Какъ только-что описанный историческій кружокъ, такъ и другіе подобные ему кружки въ Дерптскомъ университетѣ имѣли, по свидѣтельству участвовавшихъ въ нихъ, огромное воспитательное значеніе для студенческой среды; эти кружки служили не только средствомъ „общенія“ студентовъ, но являлись и крупными факторами въ дѣлѣ развитія ихъ умственныхъ интересовъ и расширенія общественнаго кругозора. Вотъ какое впечатлѣніе вынесъ отъ

нихъ русскій студентъ, занесенный въ Дерптскій университетъ „бурею житейскаго моря“ (*Міръ Божій.* 1902 г., № 3):

„Сколько зеленыхъ юношей, прибывшихъ туда съ неясными порывами, съ неустановившимся характеромъ, съ ничтожнымъ запасомъ идей, черезъ четыре года уходили готовыми людьми съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, съ развитымъ инстинктомъ общественности, увѣренными въ своихъ силахъ, испытанныхъ уже въ мирной работѣ, въ нормальныхъ условіяхъ борьбы противоположныхъ мнѣній“—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. Дегенъ.

Вообще русскій студентъ встрѣчалъ въ Дерптскомъ университетѣ нѣсколько непривычную для себя обстановку—здѣсь царила „атмосфера чистой науки“, отношеніе профессоровъ къ слушателямъ носило особенный характеръ взаимнаго уваженія и симпатій и т. д.

Впрочемъ, уже на глазахъ автора цитируемыхъ воспоминаній, въ началѣ 90-хъ годовъ Дерптскій университетъ подвергся существеннымъ перемѣнамъ—открылась эра усиленной его руссификціи, повлекшая за собой паденіе образовательнаго значенія этого былого разсадника для Россіи умственныхъ силъ и хранилища въ теченіе столь долгихъ лѣтъ умственной свободы.

Въ 90-хъ годахъ подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, измѣняется составъ профессоровъ—лучшіе изъ нихъ уходятъ, въ профессорскую среду стали попадать даже лица „безъ соотвѣтствующаго научнаго ценза“: параллельно съ внѣшними измѣненіями и „торжествомъ новой эры“ происходитъ также эволюція въ физіономіи русскаго студенчества въ Дерптѣ: сюда стали являться лица, „не одолѣвшія науки въ другихъ университетахъ“, но сознававшія себя зато „носителями русской культуры“. Значеніе „Аоинъ на Эмбахѣ“, служившихъ „мостомъ, по которому проходила издавна уже окрѣпшая въ Германіи наука въ новые ея (русскіе) разсадники“, пало; но вскорѣ однако появились признаки наступленія въ недалекомъ будущемъ для русскихъ университетовъ новой эры.

Бюрократическія тенденціи, проникшія въ академическую жизнь, слишкомъ часто нарушали спокойное ея теченіе и вызывали тяжелыя осложненія. Хотя „студенческія волненія“—какъ это было указано совѣтомъ С.-Пе-

тербургскаго университета при обсужденіи университетской реформы въ последнее время — „зависятъ не только отъ причинъ внутренняго характера, коренящихся въ строѣ университетской жизни, но также и отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть устранены никакими измѣненіями въ уставѣ", тѣмъ не менѣе студенческія desiderata объ академической свободѣ и о корпоративныхъ организаціяхъ всегда занимали въ нихъ видное мѣсто. Чтобы устранить эти ненормальности въ академической жизни, столь вредно отзывающіяся на научной дѣятельности университетовъ, послѣ волненій 1896 года въ общей печати было указано на необходимость возвращенія университету автономіи, при которой только университетъ и можетъ быть „не канцеляріей", а „связнымъ цѣлымъ, могущимъ умственно и нравственно руководить студенческою жизнью"; къ такому же выводу пришло и разслѣдованіе въ 1899 г. ген. Ванновскаго, обнаруживавшее, говоря словами правительственнаго сообщенія, „что въ самомъ строѣ и внутреннихъ порядкахъ высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ общія причины, содѣйствовавшія возникновенію и распространенію безпорядковъ, давая для нихъ готовую почву: главнѣйшія изъ нихъ—разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ".

Университетская реформа была поставлена на ближайшую же очередь Высочайшимъ рескриптомъ 25 марта 1900 г., который признавалъ „благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному пересмотру" нашего учебнаго строя. Къ разрѣшенію этой „назрѣвшей задачи", какъ извѣстно, тотчасъ же было приступлено. (*Милюк.* Энц. Слов., стр. 796—98). 30 декабря 1901 года были опубликованы „Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій", согласно которымъ начальству высшихъ учебныхъ заведеній предоставлялось по ходатайству студентовъ разрѣшать открытіе студенческихъ кружковъ для научно-литературныхъ занятій, кружковъ для занятій искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями, а равно студенческихъ столовыхъ, чайныхъ, кассъ (взаимопомощи, судосберегательныхъ, вспомоществованія), попечительствъ съ цѣлью пріисканія занятій для недостаточныхъ студентовъ, библіотекъ и читаленъ.

Опубликованный за два года передъ тѣмъ министромъ Боголѣповымъ въ іюлѣ 1899 года циркуляръ попечителямъ учебнаго округа опредѣлилъ уже задачи вновь учреждаемыхъ обществъ. Указывая, что главнѣйшей причиной, содѣйствующей возникновенію студенческихъ безпорядковъ, является „разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ“, циркуляръ ради „установленія желательнаго общенія между студентами и педагогическимъ составомъ высшихъ учебныхъ заведеній“ рекомендуетъ „учрежденіе, подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ научныхъ и литературныхъ кружковъ“. Такимъ образомъ вновь учреждаемыя студенческія общества должны были, съ одной стороны, служить средствомъ „общенія“ между студентами и профессорами „на почвѣ учебныхъ потребностей“, а съ другой — устанавливать „спокойствіе“ въ академической жизни университетовъ.

На основаніи этихъ „временныхъ правилъ“ при университетахъ за послѣднее время возникъ цѣлый рядъ студенческихъ научныхъ обществъ. Мы ограничимся здѣсь только краткимъ, приблизительнымъ перечисленіемъ существующихъ обществъ, о дѣятельности которыхъ проникли свѣдѣнія въ періодическую печать. Въ Петербургскомъ университетѣ съ 29 октября 1901 г. началъ функціонировать „адвокатскій кружокъ студентовъ“: какъ показываетъ самое названіе кружка, онъ преслѣдуетъ преимущественно практическія цѣли—подготовить своихъ членовъ къ будущей адвокатской дѣятельности. Затѣмъ студенты участвовали въ вышедшемъ подъ редакціей пр.-доц. Никольскаго „Сборникѣ“, организовали въ настоящее время кружокъ изящной словесности. О существованіи какихъ-либо другихъ студенческихъ кружковъ при Петербургскомъ университетѣ намъ не удалось собрать свѣдѣній. При Харьковскомъ университетѣ существуютъ кружки философско-богословскій, историко-филологическій, политико-экономическій, кружокъ для занятій государственными науками, для занятій гражданскимъ правомъ и судопроизводствомъ, уголовнымъ правомъ, для занятій психологіей художественнаго творчества и научно-литературный для „изученія природы“. При Кіевскомъ университетѣ существуетъ философскій кружокъ, образовавшійся изъ „психологическаго семинарія“ (проф. Челпанова), организуется историко-

этнографическій кружокъ и философско-юридическое общество, которое будетъ подраздѣляться на секціи: литературную, философскую, экономическую и общественно-юридическую; въ текущемъ академическомъ году намѣченъ былъ рядъ кружковъ при Новороссійскомъ университетѣ; образовался пока кружокъ для занятій математическими науками и кружокъ научно-химическій. При Казанскомъ университетѣ существуетъ медицинское Общество, занявшееся между прочимъ разработкой вопроса о матеріальной сторонѣ студенческаго быта. Особенно интенсивную дѣятельность въ этомъ отношеніи развилъ Московскій университетъ. Открывшееся въ прошломъ году историко-филологическое Общество и насчитывающее до 1.000 членовъ выдѣлило изъ себя рядъ секцій: философскую, историческую, классическую, литературную, общественныхъ наукъ, криминалистовъ, цивилистовъ, подсекціи южныхъ и западныхъ славянъ; существуетъ, кромѣ того, Общество изслѣдователей русской природы, Общество изящныхъ искусствъ, въ свою очередь раздѣлившееся на нѣсколько секцій: Общество медицинское, гимнастическое и, наконецъ, кружки всевозможныхъ мандолинистовъ, гитаристовъ, балалаечниковъ и т. д.—даже шахматистовъ. Такого же рода кружки возникаютъ и при высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, напр. литературный кружокъ при Кіевскомъ политехникумѣ и др.

Организація всѣхъ этихъ обществъ приблизительно повсюду одинаковая: завѣдуетъ дѣлами общества выборное студенческое бюро подъ предсѣдательствомъ избраннаго членами представителя педагогическаго персонала; члены, въ составъ которыхъ могутъ входить всѣ лица, причастныя къ университету, а не одни только студенты, выбираются баллотировкой (для поступленія въ нѣкоторые кружки, впрочемъ, требуется своего рода спеціальный научный цензъ); согласно своимъ уставамъ общества, помимо обычной своей дѣятельности, выражающейся въ устройствѣ засѣданій съ чтеніемъ и дебатированіемъ рефератовъ или исполнительныхъ собраній, организуютъ экскурсіи, библіотеки, читальни, издаютъ періодическіе сборники и т. д.

На ряду съ этими обществами при университетахъ возникаютъ постепенно и студенческія кассы взаимопомощи и другія подобныя учрежденія, ставящія своей непосредственной цѣлью—улучшить матеріальное положеніе студен-

чества (правда, все это еще пока въ крайне миніатюрномъ видѣ); вводятся, наконецъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ курсовыя организаціи съ выборными старостами и кураторами изъ профессорской среды, на которыхъ, согласно инструкціямъ министерства, возложена обязанность, между прочимъ, слѣдить, чтобы курсовыя и факультетскія совѣщанія (послѣднія—если на факультетѣ не болѣе 300 человѣкъ), созываемыя каждый разъ по особому разрѣшенію, для обсужденія вопросовъ, касающихся студенческихъ учрежденій, не уклонялись бы отъ непосредственныхъ своихъ задачъ. Исключительно при Московскомъ и Дерптскомъ (въ текущемъ году) университетахъ, кромѣ того, учреждена спеціальная „коммиссія по студенческимъ дѣламъ“, которой предоставлено право собирать курсовыя студенческія собранія для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, возникающихъ въ академической жизни.

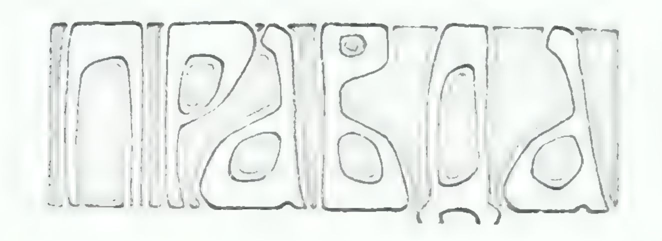
Совсѣмъ особое мѣсто также занимаетъ возникшая среди студентовъ Томскаго технологическаго института и утвержденная министромъ народнаго просвѣщенія корпорація „Трудъ и Надежда“. Назначеніе ея, согласно уставу,—„содѣйствовать развитію здраваго товарищескаго общенія и упроченія дружескихъ связей между ея членами на началахъ укрѣпленія въ нихъ любви къ наукѣ, уваженія къ законности, духа порядочности и честнаго образа мысли“. Стремясь развить въ своихъ членахъ „умственную и нравственную зрѣлость“ и подготовить ихъ къ полезной дѣятельности для отечества, корпорація „никоимъ образомъ не преслѣдуетъ политическихъ цѣлей“. Собранія носятъ „семейный характеръ“, и въ нихъ „безусловно не допускаются разговоры противоправительственнаго характера“. Въ корпораціи существуютъ: судъ чести, комитетъ уполномоченныхъ, общее собраніе, всѣ выборныя лица утверждаются директоромъ института, корпорація собирается на собственной квартирѣ, имѣетъ библіотеку, каталогъ которой представляется директору института, и т. д. (*Курьеръ*, 27 октября 1903 года). Аналогичную студенческую корпорацію подъ наименованіемъ „Единеніе—сила“ разрѣшено было учредить при Новороссійскомъ университетѣ; согласно уставу корпорація „не можетъ преслѣдовать другихъ цѣлей, кромѣ взаимной и нравственной поддержки и товарищескаго единенія членовъ на почвѣ совмѣстнаго труда, само-

образованія и разумныхъ развлеченій". Записалось въ члены корпораціи сравнительно мало лицъ—около 60 студентовъ... (*Рус. Вѣд.* 1904 г., № 70).

Изъ всего сказаннаго ясно, что академическая жизнь въ университетахъ приняла нѣсколько отличный характеръ отъ предыдущихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ офиціально признана законность корпоративнаго устройства студенческаго быта. Подводить итоги дѣятельности всѣхъ упомянутыхъ студенческихъ обществъ и учрежденій, конечно, еще преждевременно; несомнѣнно, многія изъ нихъ имѣютъ или слишкомъ спеціально-научный или, наоборотъ, совершенно ненаучный характеръ; трудно признать также за всѣми ими общественное значеніе, а главное хотѣлось бы думать, что они не имѣютъ въ виду навязывать студенчеству взгляды ихъ офиціальныхъ руководителей. Пусть студенческія Общества стремятся помочь студентамъ выработать цѣльное міросозерцаніе—въ этомъ ихъ истинная задача, съ этимъ связано, какъ показываетъ предшествующее изложеніе, и ихъ общественное значеніе.

Высказывая подобный взглядъ, мы однако нисколько не обольщаемся относительно роли студенческихъ кружковъ въ наукѣ университета и образованнаго общества. Кружки имѣютъ узкое, чисто-студенческое значеніе и въ лучшемъ случаѣ могутъ быть школой общественнаго воспитанія,—учить говорить публично, схватывать возраженія противника, мѣтко отвѣчать на нихъ, подобно ученическимъ диспутамъ, которые имѣютъ мѣсто въ англійскихъ колледжахъ. Прежде всего самые уставы ставятъ вопросы, подлежащіе обсужденію, въ узкія рамки; затѣмъ, такъ какъ дѣло ведется учителями и учениками, то вполнѣ естественно, что ученики подчиняются авторитету учителей, а кто не знаетъ, какъ далеки отъ идеала и, что еще горше, отъ жизни многіе представители нашей офиціальной науки?

Изданія журнала

Артуръ Шницлеръ — Одинокій путь. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Маттерна и А. Воротникова. Москва. 1904. Ц. 60 коп.

М. Коваленскій—Очерки японской культуры. Причины войны. Москва. 1904. Ц. 20 коп.

Печатаются:

Анатолій Анютинъ—Крылья. Историческая фантазія.

С. Разумовскій—Пульчинело. Драматическая фантазія въ 3 картинахъ, съ иллюстраціями.

Куно Фишеръ—Гамлетъ Шекспира, пер. съ нѣмецкаго А. Страхова, съ предисловіемъ пр.-доц. М. Н. Розанова.

Имѣются въ продажѣ: 1) въ редакціи журнала „Правда"—Москва, Кудрино 1, 20; 2) въ книжномъ магазинѣ „Журнальное дѣло"—Москва, Неглинная, 4; 3) въ книжномъ магазинѣ „Трудъ" — Москва, Тверская, д. Бахрушина; 4) во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

